

ВАЛЬТЕР ВАРЛИМОНТ

В СТАВКЕ ГИТЛЕРА.
ВОСПОМИНАНИЯ
НЕМЕЦКОГО
ГЕНЕРАЛА. 1939-1945

Вальтер Варлимонт

**В ставке Гитлера. Воспоминания
немецкого генерала. 1939-1945**

«Центрполиграф»

Варлимонт В.

В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. 1939-1945 /
В. Варлимонт — «Центрполиграф»,

Вальтер Варлимонт – генерал германской армии, один из ближайших и самых преданных офицеров Гитлера. Автор разработки и подготовки плана реорганизации вооруженных сил Германии в 1937 г. В соавторстве с Йодлем разработал операцию план «Барбаросса». Очевидец и непосредственный участник событий, происходящих в ставке Гитлера, советник и исполнитель воли фюрера, Варлимонт подробно описывает действия военной машины Третьего рейха и дает объективный анализ побед и поражений вермахта.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	7
Глава 1	10
Главнокомандующий и его штаб	10
Единство вермахта – внутреннее и внешнее	11
Захват Гитлером военной власти	13
Новые устремления и новая структура	18
Путь к войне	21
Глава 2	26
Часть вторая	32
Глава 1	32
Глава 2	34
Трения и неудачи внутри штаба оперативного руководства ОКВ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Вальтер Варлимонт

В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала

Предисловие

Судьба ставки ОКВ¹ (или ставки фюрера) в период Второй мировой войны тесно связана с судьбой того человека, имя которого она носила. Временами на нее смотрели как на источник блестящих планов военных кампаний и кладезь военного руководства высочайшей квалификации; для многих она оставалась, даже долгое время после того, как война обернулась против самой Германии, святая святых безопасности, которой можно безоговорочно доверять; в конце войны каждый, независимо от того, был он в составе вермахта или нет, осыпал ее проклятиями за поражение своей страны. Даже сегодня, когда улеглось столько страстей, разгоревшихся в результате краха Германии, ни один человек, переживший то время, не скажет вам спасибо за пробуждение воспоминаний о ставке фюрера.

В большой степени, конечно, такие настроения в германском общественном мнении были и остаются направленными лично против Гитлера в роли Верховного главнокомандующего вермахта. Но за компанию с Гитлером, хотя лишь в качестве подчиненного, любой офицер, занимавший высокую штабную должность в этой ставке, должен нести свою долю ответственности – не столь большую, ибо она была возложена на него другими людьми, – но по той причине, что вся его карьера стала сознательным выбором высокой степени ответственности. Правда, действующие уставы того времени утверждали обратное и определенно исключали так называемую общую ответственность высших штабных офицеров, которую Людендорф считал золотым правилом; правда и то, что только в редких случаях во время войны вставал в германской верховной ставке вопрос о том, что правильно и что ошибочно в ходе военных действий; наконец, военный трибунал союзников пришел в итоге к совершенно противоречащим друг другу решениям по этому вопросу. Тем не менее остается груз ответственности, над которым каждый отдельный человек вынужден по-прежнему ломать голову. Даже если сделать скидку на обычную человеческую ошибку и неудачу, все, кто служил в этой ставке, должны чувствовать, что зловещие богини древних бросают на них свою тень и обращают к ним свое заклятие: Орос, ослепившая успехом, Ибрис, грозившая своим жертвам утерей морали и умственного равновесия, и, наконец, Атае, заставлявшая тех, на кого пало заклятие, верить, что они способны достичь невозможного.

Взявшись, несмотря на все это, написать книгу, я полон решимости, даже вынужден делать это, следуя требованиям беспристрастного исторического анализа. Кроме того, я надеюсь таким образом выполнить личный долг по отношению к тем, кто когда-то служил вместе со мной. Потому что созданное до сих пор представление о характере и функционировании германской верховной ставки было односторонним, что, пожалуй, неудивительно, поскольку очень многие старшие офицеры, которые могли бы пролить свет на эти события, погибли.

Вряд ли стоит добавлять, что желание написать книгу именно под таким углом зрения никак не повлияло на мою непреклонную решимость дойти до истины. Единственное, что все время мною руководило, – это старание пролить больше света на произошедшие события и добиться лучшего их понимания. Слабости и неудачи не даются здесь в качестве доказательств обвинения, так же как достижения и успехи – как доказательства защиты. Тем не менее эта

¹ ОКВ – Верховное командование вермахта (*Примеч. пер.*).

книга покажет отчетливее, чем другие послевоенные описания, что при общении с таким человеком, как Гитлер, возможности для собственного решения и независимого поступка были ограниченными и напрямую зависели от близости отношений с ним конкретного офицера. В значительной мере это относится к Кейтелю и Йодлю – двум генералам, возглавлявшим ОКВ, и к их подчиненным, штабным офицерам, одним из которых был и я. Многие рассказывали, что почти никто из главнокомандующих войсками на главных театрах военных действий, приглашенных в ставку для представления или доклада, не мог устоять против непреодолимого влияния присутствия Гитлера. В этом смысле «аргумент защиты» старших офицеров ОКВ есть не более чем одна сторона правды. Каковы выводы – этот вопрос следует оставить на суд истории.

Естественно, во многих случаях источником мне служил мой собственный опыт. Если кто-то из читателей сомневается в моей правдивости, то могу лишь сказать, что эти воспоминания, в большинстве своем, можно перепроверить у офицеров бывшего вермахта, некоторые из них и ныне занимают высокие военные посты. Кроме того, картину событий дополняют и подтверждают выдержки из приказов и других, лишь частично опубликованных документов, отрывки из мемуаров и различных послевоенных публикаций, признанных достоверными, и, наконец, краткие протоколы совещаний в ставке Гитлера. Несколько лет я затратил на сбор и анализ этих материалов, прежде чем летом 1960 года приступил к написанию текста. Я ушел от какого бы то ни было спора относительно «мифов» или аутентичности многочисленных «фактических докладов», который возник вокруг германской верховной ставки. Я не стал также описывать события, не связанные с военной сферой или не касавшиеся ее напрямую.

В соответствии с германской военной терминологией слово «ставка» использовано в этой книге для обозначения как функции оперативного командования на высшем уровне, так и самого местоположения Верховного командования.

Эта книга посвящена всем, кто жил и работал со мной в ставке ОКВ.

Вальтер Варлимонт

Часть первая

Предыстория

Когда разразилась Вторая мировая война, в Германии не было утвержденного законом центра, способного осуществлять общее руководство военными действиями. 1 сентября 1939 года по воле одного-единственного человека, возглавившего германский рейх и грубо поправшего всю оппозицию и все теплившиеся до последней минуты надежды на мир, была развязана война. Вечером того же дня в зимнем саду старой рейхсканцелярии неожиданно собрали одетых в различную форму офицеров, а также ответственных гражданских чиновников, с тем чтобы они прослушали доклад о текущей обстановке. Как полковника штаба оперативного руководства² ОКВ, меня вызвали прочитать этот доклад. Сцена настолько напоминала декорации лагеря Валленштейна³, что у меня даже перехватило дыхание. Я не слишком далеко продвинулся со своим выступлением. Гитлера интересовало в основном, на сколько километров углубилась армия за границы Польши, и эту информацию тут же выдали хорошо поставленными голосами его славные трудолюбивые помощники. Геринг считал, что благодаря донесениям «своих» ВВС он информирован гораздо лучше, чем кто бы то ни было; во всяком случае, он был выше всякой штабной работы и презрительно относился к директиве № 1 по ведению войны, только что выпущенной ОКВ. Хотя под ней и стояла подпись Гитлера, Геринг отреагировал на этот документ памятной репликой: «И что я должен делать с этой макулатурой? Все это мне давно известно». Визитеры и дежурные офицеры входили и уходили. Я незаметно ускользнул и был чрезвычайно разочарован контрастом между серьезностью момента и таким поведением собравшихся.

Я был старшим офицером оперативного штаба Кейтеля с осени 1938 года. На следующий день он вызвал меня и сказал, что Гитлер предложил наблюдать за кампанией на границе с Польшей из своего поезда, так называемого специального состава фюрера. Однако в нем оказалось лишь одно свободное место для старшего офицера ОКВ, поэтому встал вопрос, кому это место предоставить – мне или генерал-майору Йодлю, который вернулся в качестве начальника штаба оперативного руководства ОКВ⁴. Не колеблясь ни секунды, я посоветовал ехать Йодлю; к тому времени меня весьма угнетали некоторые новые свидетельства о гитлеровских методах ведения военных действий, да и в любом случае у Йодля было преимущественное право занять это место. Поэтому 3 сентября спецпоезд фюрера отправился в туманном восточном направлении к неопределенному пункту назначения. Заполнен он был в основном так называемым личным окружением, в котором военных лиц было гораздо меньше, чем гражданских. В ходе Польской кампании этот состав присвоил себе название «ставка фюрера». Фактически такое название было абсолютно неправильным, так как у находившихся в нем великих «умников» не имелось даже элементарных средств, чтобы командовать войсками. Настоящий оперативный штаб оставался в Берлине.

² Термин «штаб оперативного руководства» используется в данном случае и в дальнейшем на страницах этой книги для обозначения отдела в составе Верховного командования вермахта (ОКВ), созданного в результате реорганизации 7 февраля 1938 г. Он объединил в себе отдел национальной обороны (отдел «Л» – оперативный отдел) и отдел связи. Сначала (до 8 августа 1940 г.) он назывался оперативным управлением вооруженных сил. Весной 1939 г. к нему добавили отделы печати и пропаганды. Начальник штаба оперативного руководства подчинялся непосредственно начальнику штаба ОКВ и отвечал за упомянутые выше отделы. Краткое время после создания пост начальника штаба оперативного руководства ОКВ занимал офицер в звании генерала (генерал-майор фон Вибан), имевший в качестве личного помощника офицера Генерального штаба. С весны 1938 г. до 23 августа 1939 г. начальник отдела «Л» (до ноября 1938 года полковник Йодль, а затем я) совмещал эту должность со своей собственной должностью в штабе (см. схему 1).

³ Валленштейн Альбрехт (1583–1634) – полководец, с 1625 г. имперский главнокомандующий в Тридцатилетней войне. (Примеч. пер.)

⁴ Йодль вернулся 23 августа 1939 г. С этого дня я отвечал только за отдел «Л».

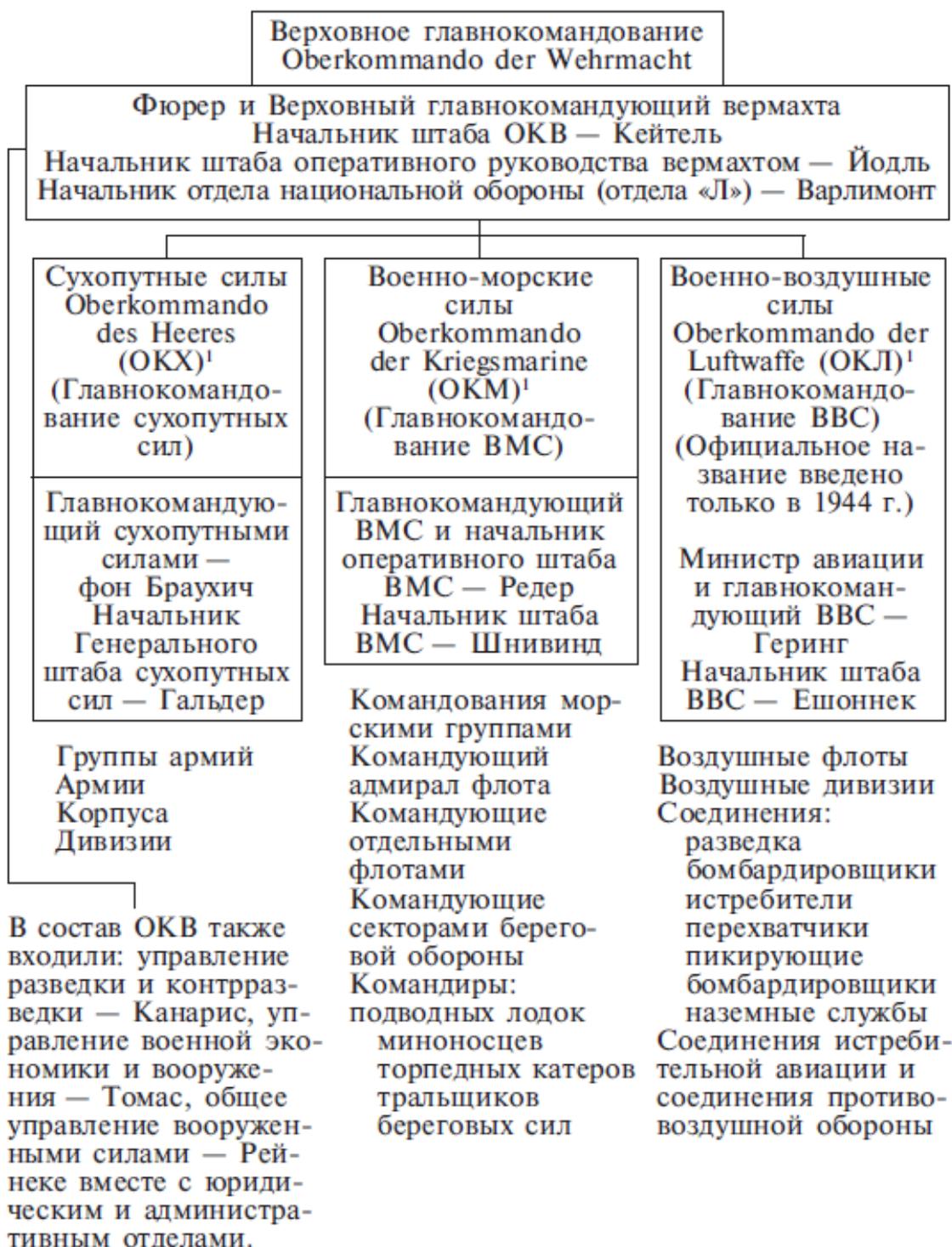
Возникает вопрос: как могла возникнуть такая неорганизованность и по каким причинам? Чтобы ответить на него, я должен кратко рассказать о тех проблемах, связанных в течение некоторого времени с так называемым высшим командованием вермахта, проблемах, которым суждено было впоследствии оказывать все большее, а на самом деле решающее влияние на характер и действия германского Верховного главнокомандования до самого конца войны.

Схема 1

СТРУКТУРА ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ ВЕРМАХТА

На момент начала войны – по видам вооруженных сил⁵

⁵ Oberkommando des Heeres (Kriegsmarine, Luftwaffe) – ОКХ, ОКМ, ОКЛ – высшее командование армией (флотом, воздушными силами). Этим общим термином обозначается весь личный состав высшего командования, включая главнокомандующих. Перечисленные аббревиатуры в принятой русской транскрипции будут использоваться и в дальнейшем (*Примеч. пер.*).

Глава 1

Высший аппарат вермахта

Главнокомандующий и его штаб

Когда в 1933 году генерал (позднее фельдмаршал) Бломберг был назначен военным министром, он номинально был и главнокомандующим вермахта. Хотя при Веймарской республике все военные министры обладали аналогичными прерогативами и властью, Бломберг отличался от них тем, что поставил перед собой задачу идти по пути централизации управления и поэтому решил, что главное – создать сильное главнокомандование. Когда в марте 1935 года было объявлено, что Германия «вновь обрела свободу действий» в вопросах обороны, Бломберг стал военным министром и главнокомандующим вермахта и был уверен, что новая структура командования должна отражать его истинный смысл и полномочия. В его руках была власть над армией, флотом и воздушными силами, и он поставил перед собой задачу создать структуру объединенного командования всеми видами вооруженных сил вермахта по образцу централизованной системы власти в самом рейхе. Он считал, что сам должен нести ответственность за координацию руководства не только военными операциями, но и другими средствами тотальной войны⁶, такими, как военная пропаганда и экономическая война и даже гражданская оборона во всех гражданских учреждениях⁷.

Такая жесткая схема организации военного командования, построенная до самой его вершины с безупречной логикой, привела к тому, что Германия того времени ввела систему, которую не пыталась выстроить ни одна из великих военных держав, и, следует сразу же добавить, ни одна из них не последовала германскому примеру. Еще более показательным является тот факт, что никто, даже в самих военных кругах, не рассматривал новую структуру командования как допустимое или даже необходимое зло. Генерал Бек считал образцом эффективности французское главнокомандование 1940 года. Для решения проблемы объединенного руководства англосаксонские державы решили поднять на один уровень главнокомандующих сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами под председательством того, кто был первым среди равных.

С 1918 года и до сих пор президент рейха номинально возглавлял вооруженные силы, как и в большинстве других демократических стран. Однако, как правило, он осуществлял эти прерогативы только в ограниченной сфере, главным образом в том, что касалось кадров и протокола. Новый главнокомандующий вермахта с его всеохватывающей властью вынужден был поэтому первым добиваться для себя подобающего места между главой государства с одной стороны, и главнокомандующими тремя видами войск – с другой. По сути дела, это могло означать только то, что главнокомандующим сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами, которые до сих пор обладали независимой властью в своих областях, в частности в ведении боевых действий, пришлось отдать существенную часть своих полномочий Верховному главнокомандующему, вклинившемуся теперь между ними и главой государства. Другим следствием стало то, что главнокомандующие отдельными видами вооруженных сил поняли, что их понизили на целый уровень в военной иерархии, и еще до того, как появилась

⁶ Термин «тотальная война» употреблен здесь в военном смысле, то есть как мобилизация всех людских и материальных ресурсов государства с целью выиграть войну.

⁷ В случаях, когда имперский военный министр не имел в собственном штабе (ОКВ) отдела, занимающегося определенными вопросами, он отдавал указания через другие министерства и учреждения в качестве постоянного заместителя главы государства в соответствии с законом об обороне рейха, принятом 21 мая 1935 г. После ухода Бломберга Геринг взял эту функцию на себя. Его обязанности были заново сформулированы во втором законе об обороне, вышедшем 4 сентября 1938 г.

возможность всесторонне проверить целесообразность такого разделения власти, а следовательно, и ответственности.

Изменившаяся ситуация стала абсолютна ясна всем видам вооруженных сил, когда с 1934 года главнокомандующий вермахта начал, хотя в какой-то степени и в порядке эксперимента, увеличивать количество высших должностей в своем министерстве, которое до сих пор носило название «канцелярия министра»⁸ и в качестве таковой занималось в основном лишь административными вопросами. Однако теперь она начала расширяться, создавая в себе зародыш штаба единого оперативного управления вермахтом. Цель была понятна: в отличие от оперативных штабов отдельных видов вооруженных сил, этот межведомственный штаб должен был выполнять высшие координационные функции. Но в свете ситуации, которая сложилась в то время в Германии, едва ли можно было считать такую структуру приемлемой для любого из трех видов вооруженных сил, прежде всего для Генерального штаба сухопутных сил, так как последние являлись самым большим и самым важным из всех видов; не устраивало это и Генеральный штаб военно-морских сил, поскольку он привык к независимости в оперативных вопросах морского флота; и, наконец, недоволен был только что созданный Генеральный штаб военно-воздушных сил с его растущими амбициями. Даже в те времена, когда император, или кайзер, имел всю полноту командования, не было высшего штаба оперативного руководства, которому подчинялись армия и флот. В те времена большой Генеральный штаб армии, позднее, во время Первой мировой войны, называвшийся Верховным главнокомандованием армии, фактически принимал основные решения по всем военным вопросам.

Единство вермахта – внутреннее и внешнее

Именно поэтому ОКХ⁹ и Генеральный штаб сухопутных сил оказали самое яростное и упорное сопротивление Бломбергу и его «оперативному штабу обороны». Главнокомандующий сухопутными силами генерал-полковник Фрейер фон Фрич был убежден, что поскольку Германия сухопутная держава, то сухопутная армия должна оставаться главной силой вермахта и в будущем, несмотря на все новые теории войны в воздухе. Посему он требовал, чтобы во время войны армия имела решающий голос в вопросах оперативного управления, касающихся вермахта в целом. «Главнокомандующий сухопутными силами должен быть во главе боевых действий, – говорилось в одной из памятных записок, которыми обменивались Генеральный штаб армии и ОКВ в середине тридцатых годов, – поэтому он должен быть главным советником главы государства по всем вопросам, касающимся ведения войны, включая операции на море и в воздухе, и единственным – по вопросам боевых действий на суше». Фрич считал такую позицию более чем справедливой, так как все важные посты в новом высшем координационном штабе обороны занимали армейские генералы и офицеры штаба, которые, естественно, отдавали приоритет армейским делам. Эти частные заботы не затрагивали два других вида вооруженных сил; но их главнокомандующие и генеральные штабы имели иные основания для защиты своей независимости от ОКВ; гросс-адмирал Редер, главнокомандующий ВМС, основывал свою аргументацию на географическом факторе: континентальное положение рейха предполагает, что единое Верховное командование мало что даст флоту; Геринг, бывший одновременно министром авиации и главнокомандующим люфтваффе, опирался на свое высокое положение как в государстве, так и в партии, а также на близкие личные отно-

⁸ С февраля 1934 г. это управление называлось управлением обороны. В тех случаях, когда управление обороны должно было принимать правительственные решения от имени главнокомандующего вермахта, использовалось название «ОКВ – Верховное главнокомандование вермахта». 2 декабря 1936 г. Кейтель в письме к министру иностранных дел использует название «ОКВ» как уже общепринятое. Часто встречающееся в военных документах мнение, что ОКВ было введено только в феврале 1938 г., неверно. На самом деле в это время была введена должность начальника штаба ОКВ.

⁹ См. примечания к схеме 1.

шения с Гитлером. В мемуарах Бломберга, написанных в 1933 году, говорится, что «Герингу явно трудно было согласиться с тем, что он стоит не выше всех в вермахте, а на втором уровне вместе с двумя другими равными ему высокими чинами».

При таких обстоятельствах яростное сопротивление Бломбергу и даже еще большее сопротивление его штабу оперативного руководства было неизбежным. В ходе обычных деловых отношений постоянно множились расхождения во взглядах высших чинов вермахта. И кроме того, военные учения ОКВ, учебные занятия и тактические упражнения, а также единственные маневры вермахта, проведенные в 1937 году, – все, что предназначалось для проверки и подготовки новой структуры командования, рождало критику снизу, доходившую почти до прямого бунта, что совсем уж недопустимо в армии.

Несмотря на это, главнокомандующий вермахта продолжал следовать своей и самим собой утвержденной линии, с виду абсолютно невозмутимо. С 1935 года его слепо, просто неистово поддерживал начальник его оперативного штаба¹⁰ полковник Йодль, который с головой окунулся в свою работу и даже отказался от должности начальника Генерального штаба люфтваффе¹¹. В перспективе стояла задача создать «министерство вермахта» и всеохватывающий Генеральный штаб, который включал бы в себя люфтваффе, все еще являвшееся в то время частью геринговского министерства авиации. Кроме того, уже в 1937 году встал вопрос о подчинении военных округов непосредственно ОКВ. Было предложено, чтобы представители ОКВ заменили армейских командующих округами и отвечали за все, что касается вермахта в целом, включая местные военные власти, внутреннюю безопасность, разведку, административные дела и снабжение. Йодль отмечает в своем дневнике (27 января), что, когда этот вопрос впервые был поставлен на обсуждение, главнокомандующий сухопутными силами подал в отставку, а 15 июля Гитлер отверг это предложение.

Сложившиеся по причине этих разногласий натянутые официальные отношения повлияли даже на взаимоотношения личного характера. Другим результатом стало беспрецедентное расхождение во взглядах среди старших офицеров армии. Они увлекали за собой своих непосредственных подчиненных, что практически привело к расколу по политическим взглядам всего офицерского состава: с одной стороны – неожиданно выдвинувшиеся революционно настроенные нацисты, а с другой – армейские приверженцы традиции. Последнее стало существенным фактором в развитии событий в самой верховной ставке.

Несмотря на все это, следует признать, что военное чутье Бломберга помогло, когда все уже было сказано и сделано, спасти высшую структуру вермахта от подступающего хаоса, до которого оставался один шаг. Еще важнее то, что он смог использовать свою координирующую роль и свою военную власть, чтобы оказать решающее и в большинстве случаев сдерживающее влияние на военную политику или, во всяком случае, на военное планирование Гитлера. Ряд важных событий, отражающих взгляды Бломберга в то время, подтверждает это предположение. Например, когда 5 ноября 1937 года Гитлер открыл ограниченному кругу лиц свои воинственные намерения, основанные на теории Лебенштраума, главнокомандующие вермахта и сухопутными силами проявили полную солидарность, высказав свои возражения. В докладе Бломберга от 13 декабря 1937 года по поводу военных приготовлений против Чехословакии, которых требовал Гитлер, был сделан особый упор на неадекватность военного потенциала

¹⁰ Обращаю внимание читателя на дневниковые записи Йодля того времени, касающиеся отставки Бломберга в январе 1938 г.: *Йодль Кейтелю*. Человек может уйти, но его достижения останутся. *Гитлер Кейтелю*. Я рассматриваю решительное и единое руководство вермахта как что-то святое и неприкосновенное. *Кейтель Йодлю*. Единство вермахта сохранено. *Йодль*. Любой мрачный аспект этого дела затмевается уверенностью в том, что достижение первого фельдмаршала Третьего рейха, объединение вермахта и его руководства, остается жить. Если фортуна будет с нами, оно никогда не сможет быть снова разрушено.

¹¹ Из дневника Йодля, запись 10 апреля 1937 г.

вермахта, особенно с точки зрения снабжения боеприпасами¹²; настоящей причиной подчеркивания им этого фактора, несомненно, было несогласие с подобным опасным политическим курсом. Кроме того, не всем известно, что годом раньше он так решительно сопротивлялся дополнительному вовлечению германских сухопутных сил в Гражданскую войну в Испании, что едва не потребовалось вмешательство главнокомандующего армией¹³. Не менее важно вспомнить, что в разгар войны Гитлер имел обыкновение давать выход своей периодически возникающей неприязни к генералам, Генеральному штабу и его подготовке, а также высказывать свои взгляды на армию в целом такими словами: «Все это идет с того времени, когда широкие плечи Бломберга разъединяли меня с вермахтом»¹⁴.

Захват Гитлером военной власти

4 февраля 1938 года Гитлеру представилась возможность, к несчастью слишком удобная, преодолеть это препятствие, и он де-факто взял на себя командование вермахтом в качестве Верховного главнокомандующего. Обстоятельства этого хорошо известны, и нет нужды повторять их здесь. С того момента уже не существовало промежуточного звена между ним и главнокомандующими армией, флотом и военно-воздушными силами, если не считать штаба Бломберга, который Гитлер оставил нетронутым с Кейтелем на посту главнокомандующего ОКВ.

Соответствующий приказ Гитлер набросал с обычной для него страстью к вычурным выражениям. Впервые он появился в основополагающем указе, датированном 4 февраля 1938 года, относительно всего командования вермахта. Именно этот приказ, наряду с тем, что формулировка, данная ОКВ и вермахтом, получилась неясной и двусмысленной, привел к убежденности, кое-кем поддержанной, что ОКВ является самостоятельной ветвью военной власти под командованием Кейтеля. Это не так. На самом деле Кейтель выполнял функции начальника штаба ОКВ для Верховного главнокомандующего вермахта Гитлера, который обладал всей полнотой власти. Поэтому надо иметь в виду, что, где бы ни говорилось об ОКВ как верховной ставке с командными полномочиями, под этим следовало понимать Гитлера. Точно таким же образом ОКХ, в полном смысле этого названия, подразумевало главнокомандующего сухопутными силами и только осуществляло командование сухопутной армией от его имени.

Принятие Гитлером командования привело к потоку письменных и устных протестов из армии и флота и возобновило конфликт по поводу верховного координационного штаба обороны и особенно его самого важного подразделения – оперативного штаба. В тот момент Геринг был на стороне Кейтеля, но дальнейший опыт показывает, что это не было с его стороны случайной привязанностью к ОКВ. Решающим для него, помимо того, что он никогда не колебался в своем отношении к Гитлеру как ученика к учителю, почти наверняка было его личное стремление заполучить командование всем вермахтом. Хотя Геринг с самого начала вычислил, что в немедленном замещении Бломберга ему откажут¹⁵, он, вероятно, рассчитывал, что Гитлер выдвинет его в Верховное командование самое малое на должность постоянного замести-

¹² См. запись в дневнике Йодля в этот день. Мне это особенно интересно, потому что я пришел к точно такому выводу летом 1939 г. в связи с подготовкой к войне против Польши.

¹³ Могу подтвердить это лично. Я только что вернулся после нескольких месяцев службы в качестве полномочного военного представителя при генерале Франко и был приглашен на это совещание Гитлера с главнокомандующим.

¹⁴ Могу подтвердить это лично. См. также запись в дневнике Йодля 2 февраля 1938 г., в которой есть выдержка из записи спора между Гитлером и Кейтелем по поводу замены генерал-полковника Фрича: «Кадровые назначения являются неременным условием. Фюрер всегда хотел, чтобы так было, и обещал Бломбергу поговорить с Фричем, но ничего не произошло». Впоследствии, 8 ноября 1939 г., Кейтель говорил со мной в том же духе, сказав, что в первую очередь на Бломберга следует возложить ответственность за то, что так и не были призваны на службу лица 1901–1914 годов рождения, в результате чего в начале войны была серьезная нехватка подготовленных резервов.

¹⁵ Запись в дневнике Йодля 26 января 1938 г.: «У фюрера нет намерения сделать Геринга имперским военным министром».

теля. Несомненно, что именно такого рода причины, а не его должность главнокомандующего люфтваффе заставили его поддержать сильное противодействие главнокомандующего ОКВ и главнокомандующего военно-морскими силами притязаниям нового главнокомандующего сухопутными силами генерал-полковника фон Браухича, который незамедлительно последовал примеру своего предшественника. Теперь, когда Гитлер взял Верховное командование вермахта в свои руки, сухопутная армия требовала гарантии в том, что его главным советником по всем военным вопросам будет не какой-то более или менее удачно сформированный Генеральный штаб ОКВ, а главнокомандующий сухопутными силами со своим начальником Генерального штаба. Начальника штаба оперативного руководства ОКВ предлагалось включить в Генеральный штаб сухопутных сил¹⁶.

Удивительно, что доводы, которые генерал Бек, начальник Генерального штаба сухопутных сил, выдвинул Кейтелю в феврале 1938 года в обоснование новых требований армии, слово в слово повторяли взгляды, высказанные Гитлером на одном из его первых совещаний с главкомом ОКВ. Записи Йодля фиксируют их спор по поводу того, что «в Германии сухопутная армия является решающим фактором». Хотя Бек опять-таки сделал из этого вывод, что «поэтому она должна быть руководящим элементом во время военных действий», Гитлер был достаточно проницательным, чтобы не заходить слишком далеко и сказать, что «другие виды вооруженных сил играют лишь вспомогательную и дополняющую роль»¹⁷. Его аргументация столь же логична, сколь и аргументация Бека, но как политик он не хотел допустить, чтобы его будущее руководство вермахтом было очень тесно связано с ОКВ или Генеральным штабом сухопутных сил, точку зрения которых он слишком хорошо знал. Притязания Бека имели целью кое-что большее, чем просто разумно организовать высшее командование вермахтом. Он старался заполучить все руководство вермахтом в руки армии не для того, чтобы вести войну, а чтобы избежать ее. Это проявилось со всей очевидностью, несмотря на дальнейшие события, когда он написал: «Политику обуславливает положение армии. Армия есть самый могущественный и убедительный инструмент политики, и положение армии определяет те пределы, которыми должны ограничиваться цели политики». Именно эти, не преданные огласке, но очевидные расхождения во взглядах, не признанные тогда и во многом не признанные сегодня, показали, что после февраля 1938 года сухопутная армия была все-таки так же далека, как и прежде, от получения желанного решения, если не еще дальше. Весной 1938 года Гитлер окончательно и гласно утвердил существующую структуру, положив тем самым конец войне титанов, вышедшей за пределы организационной сферы, и начал осуществлять назначения на высшие посты сухопутной армии¹⁸. Это решение закрепило победу Кейтеля и Йодля, которые в течение многих лет служили в штабе Бломберга и являлись главными сторонниками основанной им системы. Очень скоро выяснилось, что эта система оказалась фатальной ошибкой. Кейтель и Йодль видели в ней не более чем инструмент для осуществления непосредственной связи между высшим штабом вермахта и всеохватывающей властью диктатора. Поэтому они мечтали положить конец всем трудностям с объединенным командованием вермахта. Чего они явно не смогли понять, так это того, что с принятием Гитлером Верховного командования вермахта ОКВ потеряло тот чисто военный характер, который оно сохраняло до тех пор. Другими словами, Верховное главнокомандование вермахта, бывшее при Бломберге «военной ветвью власти, способной защищать свои профессиональные интересы от политических лидеров и способной действовать, отвечая перед правительством», стало с этого момента «действующим штабом» или, проще сказать, «военным бюро» Гитлера-политика. Не прошло и двух недель, как новый Верховный главнокомандующий начал злоупотреблять использова-

¹⁶ Записи в дневнике Йодля, 28 января, 4 и 8 марта 1938 г.

¹⁷ Дневник Йодля, 27 и 28 января 1938 г.

¹⁸ Дневник Йодля, 13 июня, а также 31 января, 2 и 18 февраля 1938 г.

нием вооруженных сил для своих дальнейших целей в игре с позиции силы, и на этот раз – не встречая оппозиции в высших кругах.

Генерал Кейтель, по сути, не обладал ни способностями, ни характером, чтобы быть начальником Генерального штаба у такого человека, как Гитлер, и он сразу же, не сопротивляясь, позволил понизить себя до положения начальника канцелярии. Он не понимал, что никогда и не было намерения делать из него нечто другое. Здесь уместно привести некоторые высказывания Бломберга весной 1945 года, когда он находился под арестом в Нюрнберге. Когда я выразил удивление по поводу того, что Кейтеля назначили главой ОКВ, Бломберг ответил, что в конце января 1938 года он не мог да и не хотел предлагать Гитлеру фамилию какого-либо офицера, который, по его мнению, подошел бы на должность главнокомандующего ОКВ при фюрере. На вопрос Гитлера: «Как зовут того генерала, который до сих пор служит в вашем управлении?» – Бломберг ответил: «О, это Кейтель; он не подходит; просто-напросто человек, который руководит моей канцелярией». Поняв это буквально, Гитлер тут же сказал: «Именно такого человека я и ищу».

Долгое время Кейтель верил высокопарным фразам, которые произнес Гитлер, вводя его в должность главнокомандующего ОКВ¹⁹: «Вы мое доверенное лицо и единственный советник по всем вопросам, касающимся вермахта». Он был искренне убежден, что его назначение требует слепо солидаризироваться с пожеланиями и указаниями Верховного главнокомандующего, даже если сам с ними не соглашался, и точно доносить его пожелания до всех, кого они касались. На основании тех слов Гитлера убежденность Кейтеля в этом все больше становилась для него жизненным правилом. Он сознательно трудился в этом направлении, и явно ни в каком другом; он был неутомимым тружеником, но не имел собственных твердых убеждений и поэтому всегда был склонен к компромиссу; на его посту такие черты характера оказались фатальными.

Йодль тоже, хотя и по другим причинам и с другими намерениями, привнес в свою работу решимость подавлять любую критику «гениальности фюрера», которую он или другие, возможно, понимали. Наиболее яркой иллюстрацией этому является запись в его дневнике 10 августа 1938 года: «Меня вызвали в Бергхоф вместе со старшими офицерами сухопутных сил. После обеда фюрер говорил почти три часа, разъясняя свой подход к политическим вопросам. Затем некоторые генералы пытались указать фюреру, что мы совсем не готовы. Что было, мягко выражаясь, неудачным. Есть ряд объяснений их трусливой позиции, к сожалению широко распространенной в Генеральном штабе сухопутных войск. Во-первых, Генеральный штаб мучается воспоминаниями о прошлом и, вместо того чтобы делать то, что ему велят, и заниматься военной работой, считает, что несет ответственность за политические решения. Он продолжает свою работу с прежним рвением, но без души, поскольку в конечном счете не верит в гениальность фюрера. Ему очень подходит сравнение с Карлом XII. Неизбежно результатом такого нытья станет не только громадный политический ущерб, – ибо весь мир знает о разногласиях между генералами и фюрером, – но и угроза боевому духу войск. Однако придет время, и фюрер, несомненно, найдет неожиданные способы поднять моральный дух как армии, так и народа».

Безграничная вера Кейтеля и Йодля в Гитлера и их ощущение, что единое командование вермахтом отныне обеспечено, привело двух этих людей к тому, что они сыграли решающую роль в углублении разногласий между Верховным главнокомандованием и Генеральным штабом сухопутных войск, хотя оба являлись армейскими офицерами. Поэтому элементарному единству вермахта вредили разногласия по поводу того, что при любых обстоятельствах являлось весьма сомнительной формой организации; и эта ситуация усугублялась тем фактом, что

¹⁹ Дневник Йодля, 27 января 1938 г.

несколько старших офицеров ОКВ сочли своим долгом никому не уступать в своем энтузиазме улучшить отношения с «партией».

Однако в результате замешательства, в которое привела вермахт европейская политика Гитлера с весны 1938 года, не возникло ни одной новой идеи и не было сделано ни одного шага на пути создания системы объединенного военного командования. По натуре своей Гитлер действовал беспорядочно и питал отвращение ко всему, что наделено законным статусом. Поэтому, хотя он и называл ОКВ своей личной ставкой, вытекающую из такого статуса организационную суть ОКВ во внимание не принимал. Он фактически повторил 18 февраля свое обещание Кейтелю, что «никогда не примет решение, касающееся вермахта, не выслушав сначала мнение своего начальника штаба»²⁰. Тем не менее всего лишь несколько недель спустя, когда начались приготовления к австрийскому аншлюсу, он устроил полнейшую неразбериху, вместо того чтобы дать время и возможность для нормального военного планирования, хотя такое планирование предназначалось исключительно для содействия его же собственным военным авантюрам.

Первый шаг был сделан в ночь с 9 на 10 марта, когда пришли новости об указе Шушнига о плебисците. Верховный главнокомандующий срочно вызвал Геринга, Рейхенау (из Каира) и еще двух генералов, которых он знал лично, с целью обсудить с ними, какие военные меры надо принять, чтобы пригрозить Австрии и оказать на нее давление. Кейтель был, видимо, лишь проинформирован личными сотрудниками Гитлера о том, что произошло, утром 10 марта, и Йодль пишет: «...отправившись в рейхсканцелярию в 10 утра, я поспешил за ним, чтобы вручить ему старый план» (разработанный штабом). Позднее вызвали начальника штаба сухопутных сил, и тот доложил Гитлеру, что армия никоим образом не готова к выполнению такой задачи. Тем не менее в течение пяти часов пришлось подготовить импровизированные приказы, с тем чтобы выделенные части могли начать движение. Вот так появилась директива ОКВ от 11 марта, в которой среди прочего было объявлено, что Гитлер берет командование этой операцией на себя. Военно-морской флот, действуя на свою ответственность и без какого-либо участия ОКВ, предпринял меры предосторожности против возможных более широких последствий и приказал «всем кораблям спешно направиться в порты приписки». Собственное описание Кейтелем той роли, которую он сыграл, символично:

«Следующая ночь (с 10 на 11 марта) была для меня адом. Один за другим телефонные звонки из Генерального штаба сухопутных войск, от Браухича и, наконец, около 4 часов утра от тогдашнего начальника оперативного штаба ОКВ генерала Вибаха, и все умоляли меня уговорить фюрера отказаться от переброски войск в Австрию. У меня не было ни малейшего намерения даже ставить этот вопрос перед Гитлером. Я *пообещал* сделать то, что они просили, и вскоре после этого, *не сделав ничего*, перезвонил им и сообщил, что Гитлер отказался. Фюрер так ничего об этом и не узнал, а если бы узнал, то его мнение об армейских штабистах разлетелось бы в пух и прах, а мне хотелось уберечь обе стороны от подобного опыта»²¹.

В том же году ряд событий, связанных с «Зеленым планом» (подготовка внезапного нападения на Чехословакию под прикрытием кризиса в Судетах), привел к более серьезным сдвигам в отношениях между Верховным главнокомандующим и его ставкой с одной стороны и ОКХ – с другой. В это время я командовал полком в Дюссельдорфе, и первое мое впечатление о сложившейся ситуации я получил в конце осени 1938 года, когда меня вызвали в Берлин на координационное совещание по поводу штабных исследований, связанных с «Зеленым планом». Совещание должен был проводить генерал Бек, начальник штаба сухопутных войск. Ни одного члена ОКВ, ни Кейтеля, ни Йодля, ни офицеров их штабов среди большого количества присутствовавших не было. Когда я выразил некоторое удивление по этому поводу, пол-

²⁰ Запись в дневнике Йодля за этот день.

²¹ Здесь и далее курсив автора.

ковник Госсбах, начальник отдела кадров Генерального штаба, дал столь же удививший ответ: «То, что мы здесь обсуждаем, касается только сухопутных войск, а ОКВ здесь ни при чем». Последовавшее за этим совещание с Беком обернулось более чем нападками на планы и приказы, составленные Гитлером и штабом ОКВ. Генерал-полковник Браухич, главнокомандующий сухопутными силами, высказал лишь вялую поддержку взглядам Бека. Не секрет, однако, что Бек пытался противодействовать намерениям Гитлера другими способами, и это в конце концов привело к его увольнению летом 1938 года.

Некоторые другие события являются типичными примерами разногласий, которые сохранились и при Гальдере, преемнике Бека на посту начальника Генерального штаба сухопутных сил. В ночь с 9 на 10 сентября 1938 года на партийном съезде в Нюрнберге имел место спор, который продолжался до четырех утра; под натиском упорного противостояния со стороны армейских начальников Гитлер потребовал изменения тщательно разработанных планов наступления и последующих операций. Кейтель оставался лишь наблюдателем, но по возвращении в Берлин он пожаловался Йодлю, что «главнокомандующий сухопутными силами фон Браухич, в назначении которого он сыграл столь большую роль, сильно его разочаровал тем, что был не в состоянии остановить спор, который привел в замешательство главнокомандующего сухопутными силами и генерала Гальдера». Начальник штаба ОКВ использовал возможность «в свете своего неудачного опыта в Нюрнберге, чтобы обратиться с самой резкой речью к офицерам штаба ОКВ, подчеркнув, что не потерпит ни от одного офицера ОКВ критических высказываний, сомнений или жалоб». Полковник Йодль полностью поддержал Кейтеля и выразил надежду, что в результате «великого дня расплаты с Чехословакией», объявленного Гитлером в речи 12 сентября, «многие в стране и в офицерском корпусе покраснеют от стыда за свою трусость и чистоплюйство». Запись в его дневнике заканчивается следующими многозначительными сентенциями:

«Кроме того, фюрер знает, что главнокомандующий сухопутными силами просил своих командиров поддержать его в попытке заставить фюрера здраво подойти к авантюре, в которую он, кажется, решил броситься. Сам главнокомандующий, по его словам, к сожалению, не может повлиять на фюрера. Атмосфера в Нюрнберге была в результате ледяной. Трагично то, что фюрера поддерживала вся нация, за исключением лишь армейских генералов.

На мой взгляд, только боевыми действиями они смогут теперь искупить свою вину за отсутствие характера и дисциплины. Та же проблема, что и в 1914 году. В армии есть только один недисциплинированный элемент – ее генералы, и в конечном счете все это идет от их высокомерия. У них нет ни уверенности, ни дисциплины, потому что они не могут признать гениальности фюрера. В какой-то степени это, несомненно, из-за того, что они до сих пор смотрят на него как на капрала времен Первой мировой войны, а не как на величайшего государственного деятеля со времен Бисмарка»²².

Этих эпизодов на первоначальном этапе вполне достаточно, чтобы показать опасности, которые непременно должны были возникнуть из сочетания фатальной политики Гитлера с его претензиями на военное руководство. Диктатор оказался достаточно сообразительным, чтобы подавить в зародыше усилия нового главнокомандующего сухопутными силами превзойти своего предшественника в понимании функций армии и «высочайшей ответственности перед нацией в целом»²³, которую она на себе несет. Более того, те, кто стоял во главе действующей ставки фюрера – ОКВ, открыто выражали свое неудовольствие по поводу того, что Браухич, поддерживаемый Гальдером, будет стараться доносить до них свою точку зрения даже по вопросам чисто военной политики. Они еще раз ясно показали, что в их понимании их важнейший долг заключается в том, чтобы выполнять пожелания Гитлера и, если требовалось,

²² Дневник Йодля, 10, 12, 13 сентября 1938 г.

²³ Из памятной записки Бека Браухичу в самом начале августа 1938 г.

расчищать ему путь в военную сферу. Это была явно не та цель, которую ставил перед собой Бломберг. Формирование ставки, которое он начал, было поспешно свернуто, и штаб оперативного руководства по-прежнему ограничивался примерно шестью – восемью офицерами; сфера его деятельности была очерчена туманно, и он находился в свободном плавании между интуитивными военными инициативами диктатора и их военными последствиями, абсолютно никак не влияя на первые, а на вторые – в зависимости от степени признания, пожалованного ему высшим командованием трех видов вооруженных сил. В такой ситуации едва ли можно было удивляться, что ОКВ оказалось гораздо труднее, чем прежде, найти свое место в традиционно закоснелой структуре вермахта и что оно не обладало никакими полномочиями, кроме тех, которые изредка даровал ему на время Гитлер²⁴.

В разгар Судетского кризиса меня назначили на место Йодля в штаб оперативного руководства ОКВ; мой собственный опыт, полученный в период передачи дел, еще точнее отражает положение ОКВ на тот момент. Йодль начал с краткого обзора обстановки, давая новичку понять, что целью военных приготовлений тогда в поезде было не просто включение Судетской области в состав рейха, а полное упразднение Чехословакии как независимого государства. Затем он перешел к трениям внутри вермахта. Генерал Бек, начальник Генерального штаба сухопутных сил, был уволен, сказал он, потому что оказывал противодействие планам Гитлера, и его преемником назначили Гальдера; но в тот момент это не было предано гласности, и даже широкие круги вермахта оставались в неведении. Несмотря на персональные изменения, внутри Генерального штаба сухопутных сил сохранилось сильное противодействие намерениям и планам Гитлера. Поэтому тем более важной обязанностью каждого офицера ОКВ было четко определить свою позицию и в соответствии с ней выстраивать свои личные отношения с Генеральным штабом сухопутных войск.

Меня крайне смутили обе части рассуждений Йодля, и не было никакого желания углубляться в них дальше. Вместо этого я попытался получить хоть какое-то представление о тех глобальных задачах самого главного штаба вермахта, в которые, как я предполагал, мне придется полностью окунуться в той исключительно напряженной обстановке. Я представлял себе, что перспективы Англии и Франции – как потенциальных противников и Италии, и Японии – как союзников должны были быть темой обширных стратегических исследований. Однако Йодль ничего не ответил, а просто отослал меня к карте, на которую были нанесены все детали наступления на Чехословакию; он указал также, что есть намерение, в качестве предупредительной меры, занять линию Зигфрида. В целом все это не могло не произвести странного впечатления, что главная, если не единственная, обязанность штаба оперативного руководства ОКВ состоит в том, чтобы курировать те планы армейских операций против Чехословакии, которые разработал Генеральный штаб сухопутных войск и взял на себя командование ими. Любой же вопрос объединенного командования вермахта в целом, в стратегическом смысле, полностью уходил в тень, но, возможно, это было неизбежным, так как не существовало механизма для выполнения подобной задачи.

Новые устремления и новая структура

Девяти месяцев, с ноября 1938-го по август 1939 года, в течение которых я, сменив Йодля, был начальником отдела национальной обороны (отдела «Л») и начальником штаба оперативного руководства ОКВ, оказалось недостаточно для какого-либо существенного изменения ситуации. Разумеется, мне было ясно, в каком направлении нам следовало двигаться, поскольку я понимал, что ОКВ сможет преодолеть свою явную неэффективность лишь в том

²⁴ О широте этих полномочий говорит тот факт, что в замечании Кейтеля, процитированном в дневнике Йодля 22 сентября 1938 г., появляется выражение «приказ от верховной власти».

случае, если перестанет служить посредником между Гитлером и вермахтом и утвердит себя как часть, причем самую главную, самого вермахта. Поэтому поддержку надо было искать не у Гитлера, а в первую очередь в Генеральном штабе сухопутных сил. В качестве одного из шагов в этом направлении я убедил Кейтеля, что генерал-майор Йодль (получивший к тому времени новое звание) не должен возвращаться на свой прежний пост, как он (Кейтель) постановил, а что его следует заменить другим генералом, пользующимся доверием в армии²⁵. Однако сделать дальнейшие шаги помешала череда событий, в результате которых, как уже говорилось, генерал Йодль вернулся на должность начальника штаба оперативного руководства ОКВ.

Оккупация остальных чешских земель в марте 1939 года и захват Мемеля в конце того же месяца не послужили особым уроком в плане взаимодействия на высшем уровне вермахта. Наоборот, как только начался подготовительный период Польской кампании, полное отсутствие какой-либо внешней и внутренней дисциплины в его высших кругах стало ужасающе очевидным.

В конце марта, не запросив ни в какой форме официального совета у вермахта, Гитлер вскользь намекнул главнокомандующему сухопутными войсками, что, для того чтобы заставить Польшу принять его требования, применит силу, если к концу лета не будет достигнуто соглашения по дипломатическим каналам. Главком ОКВ узнал об этом «выражении намерения» только несколько дней спустя; после этого он отдал приказ штабу оперативного руководства осовременить дополнением так называемую директиву по координации подготовки вермахта к войне; ее выпускали всегда в начале «мобилизационного года», и последнюю разослали осенью 1938 года. Согласно установленным для мирного времени штабным правилам, эта директива предназначалась лишь для того, чтобы утвердить общие направления, по которым должны были вестись подготовка операций, учеба и группировка войск; однако теперь, как и год назад в деле с Чехословакией, появился новый диссонирующий элемент. В ней уже не шла речь о той или иной проблеме, с которой, в зависимости от международной обстановки, мог столкнуться вермахт в течение текущего года. Теперь ставилась задача готовиться к военной агрессии, с самого начала увязываемой с определенными политическими условиями и, что самое важное, заранее спланированной.

Ввиду далеко идущих последствий этого документа и моих собственных представлений о взаимоотношениях, которые должны существовать между ОКВ и Генеральным штабом сухопутных сил, я счел нужным пройтись по всему проекту ключевого раздела в подготовленном дополнении, проверив буквально каждое слово в нем, с заместителем начальника Генерального штаба сухопутных сил генералом Генрихом фон Штюльпнагелем; он получил на это согласие своего начальника штаба. Таким способом я надеялся застраховаться от того, чтобы на армию не были наложены никакие ограничения, и использовать любую возможность оставить главнокомандующему сухопутными силами полную свободу действий в целом и в частности. Военно-морские и военно-воздушные силы, через своих представителей в ОКВ, внимательно отслеживали те задачи, которые возлагались на них, и сами составляли проекты относящихся к ним параграфов. Затем был подготовлен итоговый проект, написанный в соответствии с действующими инструкциями в «фюрерском виде», то есть очень крупным шрифтом, чтобы Гитлер мог читать его без очков, и передан лично Кейтелем в рейхсканцелярию. Через несколько дней проект вернули в ОКВ с вступительным политическим параграфом, написанным от руки самим Гитлером. Штаб оперативного руководства ОКВ разослал его командованиям сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами, а также ряду ключевых ведомств, проставив дату 3 апреля²⁶.

²⁵ В письме Йодля, написанном 28 июля 1938 г., он говорит о Генеральном штабе сухопутных сил как о противнике.

²⁶ В этом дополнении пункты 1, 2 и, видимо, 3; § I набросаны лично Гитлером. Короткий параграф 4а был предложен и согласован штабом оперативного руководства ОКВ и Генеральным штабом сухопутных сил. Он служил основой для приложений, касавшихся других двух видов вооруженных сил. Конечная дата («возможен любой день начиная с 1 сентября 1939 г.»)

В последующие несколько месяцев повторилась ситуация, которую я наблюдал во время Судетского кризиса: оказалось, что при гитлеровском методе работы у высшего оперативного штаба всех видов вооруженных сил не было никакой иной функции, кроме как служить военной «канцелярией», выполняющей правительственные постановления. Снова полностью отсутствовало стратегическое руководство по вопросам, выходящим за пределы Польской кампании, и обороны западной границы Германии. Поэтому все, что смогло сделать ОКВ, так это собрать воедино уже подготовленные армией, ВМС и ВВС планы, в первую очередь, конечно, планы Генерального штаба сухопутных сил.

Что касается главнокомандований трех видов вооруженных сил, то они достигали необходимого согласия в период подготовки через своих офицеров связи; они не видели необходимости участия штаба оперативного руководства ОКВ, и у них не было повода обращаться к третьей стороне. Фактически главнокомандующие и их штабы, свободные от мешавшего им вышестоящего посредника, которого представлял главнокомандующий вермахта, находили более разумным добиваться непосредственного контакта с Гитлером. Они поняли, что помощники, составлявшие часть личного штаба Гитлера, обеспечивают легкий способ перепрыгнуть или обойти ненавистное ОКВ всегда, когда этого хочется. Даже главнокомандующий ОКВ ухаживал, таким образом, все дальше и дальше в тень. Вместо «единственного советника по делам вермахта», его роль по отношению к отдельным видам вооруженных сил свелась к тому, что он стал посредником, если не мальчиком для битья, и на него сочли вполне уместным спихивать всю щекотливую работу, которой никто не желал заниматься. У меня в памяти много подобных примеров того времени, когда я служил в этом ведомстве, но я не знаю деталей, так как это были, главным образом, вопросы внутреннего характера, например отношения с Трудовым фронтом и СС. Однако хороший пример можно найти в дневнике Йодля в период Судетского кризиса в 1938 году:

«28 сентября. День величайшего кризиса. Все больше сообщений о предупредительных мерах Англии и Франции, равносильных частичной мобилизации.

Главнокомандующий сухопутными силами (фон Браухич) оказывал сильное давление на главнокома ОКВ, указывая, что его обязанность – попытаться отговорить Гитлера от любых военных действий за пределами Судетской области».

Кейтель уже обжег пальцы на делах такого рода, и было известно, какова его обычная реакция на подобные заявления. Вот еще один пример, гораздо ближе связанный с его непосредственными обязанностями.

Гитлер включил бомбардировку Праги в план нападения на Чехословакию²⁷. Офицер, обеспечивавший связь Министерства иностранных дел с ОКВ, выразил несогласие, заявив, что район Градчан следует пощадить, насколько это возможно. Ответ начальника штаба ОКВ был таков:

«Генерал Кейтель уже ставил этот вопрос перед фюрером. Последний проконсультировался с маршалом Герингом и решил, что оставит за собой решение относительно этой атаки. Генералу Кейтелю ничего другого не остается, как твердо выполнять это решение. Если возникнут какие-либо вопросы о его изменении, министр [Риббентроп] сам должен обращаться к маршалу Герингу или фюреру».

Силы, боровшиеся за власть на высшем уровне вермахта, не более чем за год с момента принятия Гитлером командования спокойно достигли того, в чем до того им отказывали, несмотря на многочисленные предложения, памятные записки и устные заявления; они более-менее исключили из командной цепочки вермахта штаб оперативного руководства ОКВ, и этот

в тексте директивы не появляется. Следует пояснить, что название «директива» применялось во время войны только для наиболее важных приказов из верховной ставки.

²⁷ Дневник Йодля, 21 и 22 сентября.

штаб оказался лишенным даже непосредственного доступа к Гитлеру, которому он теоретически подчинялся. Генеральный штаб сухопутных сил был так воодушевлен столь явным успехом, что, несмотря на все мои попытки пойти им навстречу, прервал существовавшее прежде тесное взаимодействие с отделом «Л». Это вызывало сожаление, поскольку, работая в тесной связи с армейским штабом, отдел способствовал бы выбору несомненно правильного решения и курса, которому до того штаб армии намеревался следовать.

Единственным, кто выиграл от такого развития событий, оказался Гитлер; это отлично согласовывалось с его системой «разделения власти в командовании и рассредоточения прав», и отныне он мог натравливать всех друг на друга в своих интересах. Поэтому неэффективность штабов высшего уровня в вермахте, со всеми вытекающими отсюда роковыми последствиями, явилась результатом не только плохой организации ОКВ, но и в большой степени позиции трех видов вооруженных сил, которые смотрели на «рабочий штаб» Гитлера сверху вниз, вместо того чтобы делать с ним общее дело в борьбе против Гитлера.

Путь к войне

Другой поразительный симптом, отразивший состояние и авторитет штаба оперативного руководства ОКВ, проявился 23 мая 1939 года по случаю «презентации» (если использовать терминологию Нюрнбергского военного трибунала), проведенной несколькими высокопоставленными армейскими офицерами в рейхсканцелярии, когда они представили Гитлеру планы наступления и военных операций против Польши. ОКВ не было проинформировано об этих планах заранее, и на совещании его представлял лишь начальник штаба, хотя там присутствовали и главнокомандующие двух других видов вооруженных сил. Кейтель даже никак не отреагировал на то, что Гитлер, полностью игнорируя присутствие начальника своего собственного оперативного штаба, потребовал, чтобы среди прочих мер по подготовке предстоящего наступления в Европе «была сформирована небольшая исследовательская группа в рамках ОКВ». Эта группа должна была включать представителей трех видов вооруженных сил, и ей предстояло заняться «бумажной подготовкой операций на самом высоком уровне (что, видимо, означало на высшем стратегическом уровне), а также теми вопросами в технической и организационной сфере, которые из этого вытекали»²⁸. Эта задача, изложенная Гитлером в несколько невоенных терминах, означала именно то, что в любой более правильно организованной структуре должно было лечь на плечи штаба оперативного руководства ОКВ; на самом деле это была именно та задача, для выполнения которой штаб ОКВ первоначально и предназначался – как орган, несущий прямую ответственность за защиту рейха и своего народа, а не как штаб для подготовки «плана нападения». В любом случае после этого совещания никто больше не слышал ни о заявленных во всеулышание главных стратегических направлениях, ни об этой «исследовательской группе».

Совещание 23 мая явилось еще одним важным показателем полного отсутствия у Гитлера способа взаимодействия и логики в отношениях со старшими офицерами вермахта. Всего за день до этого, 22 мая, после длительных переговоров был заключен и подписан в Берлине на торжественной церемонии, в присутствии всех высших военных лиц, «Стальной пакт» с Италией. К этому договору существовал дополнительный секретный документ, который абсолютно ясно означал военный союз и, соответственно, накладывал далеко идущие обязательства на вермахт. Ни одно военное ведомство не принимало участия в подготовке или заключении этого пакта; более того, в тот единственный раз, когда германскому и итальянскому штабам под руководством Кейтеля и Парриани позволили встретиться (в Инсбруке, в конце марта – начале

²⁸ Так было записано в протоколе совещания, который готовил подполковник Шмундт. Список присутствующих, видимо, готовился заранее, и впоследствии его не поправили. Это ошибка, что я не присутствовал на этом совещании и даже ничего о нем не знал. Это не помешало Нюрнбергскому трибуналу использовать против меня факт моего присутствия там.

апреля 1939 года), Гитлер специально запретил обсуждение стратегических вопросов; точно так же и 23 мая он ничего не сказал собравшимся о важных военных статьях этого договора. Из всего, что он обязан был сказать по этому вопросу, старший военный адъютант фюрера подполковник Шмундт зачитал только следующее: «Секретность (имелась в виду секретность планов относительно Польши) есть главная предпосылка успеха. Наши цели должны держаться в тайне от Италии и Японии. Прорыв через линию Мажино остается для Италии проблемой, и это следует проверить»²⁹.

Хотя я был старшим офицером штаба оперативного руководства ОКВ, мне не удалось выяснить об этом совещании больше того, что счел нужным мне рассказать Кейтель. Фактически ничего, кроме дел, связанных непосредственно с Польской кампанией. Однако то, что я узнал, в увязке с одновременными событиями на политическом фронте не оставило у меня сомнений в том, что намерения Гитлера, ограничивавшиеся до того «военными прогулками», представляли теперь нечто гораздо более серьезное. Весной 1939 года нам в оперативном штабе, в котором давно служившего при Йодле начальника разведки, тогда еще подполковника, Зейцлера сменил подполковник Лосберг, пришлась не по вкусу роль гитлеровского «рабочего штаба» для осуществления подобных целей. Мы полностью осознавали тревожащую слабость своего положения и с этого момента концентрировали свои силы на том, чтобы стараться противостоять, исходя из тех средств и возможностей, которые у нас были, гитлеровскому нападению на Польшу и следующему за ним безрассудному движению к новой мировой войне.

Первый раз мы попытались сыграть на пристрастии Верховного главнокомандующего к многочисленным аргументам, независимо от того, имеют ли они прямое отношение к его военным планам; наша цель состояла в том, чтобы убедить его, хотя он и не верил во вмешательство западноевропейских держав, что их вооружение превосходит военный потенциал Германии. Об этом плане доложили главкому ОКВ и честно объяснили ему его истинную цель; план рухнул, потому что после беглого просмотра Кейтель отверг его на том основании, что Гитлер сразу же почувствует, что штаб имеет намерение влиять на его решения, и в результате перестанет ему доверять. Следующее предложение состояло в том, чтобы, как в предыдущие годы, возложить на ОКВ проведение больших военных учений вермахта летом 1939 года, чтобы эти учения более-менее исходили из создавшейся международной обстановки и чтобы Гитлер сам ими руководил. В разговоре с главкомом ОКВ было особо подчеркнуто, что это предложение успешнее пройдет, если указать Гитлеру на огромные возможности рекламного характера – как внутри страны, так и за рубежом, которые представятся ему как Верховному главнокомандующему вермахта. В ходе учений Гитлер оказался бы лицом к лицу с роковыми последствиями собственных авантур, но Кейтель отверг и этот план. Он заявил, что просят невозможного – загружать фюрера и рейхсканцелярию проведением военных учений. Контраргумент, заключавшийся в том, что Гитлер в любом случае собирается командовать вермахтом во время войны, успеха не имел.

В результате подобных попыток, а также с учетом особенностей характера Кейтеля очень скоро стало ясно, что такими способами оперативный штаб мало что может делать для того, чтобы эффективнее влиять на ход событий. Но от Гитлера и его окружения тем временем не исходило никаких новых военных угроз; с другой стороны, штабы трех видов вооруженных сил продолжали отказываться от сотрудничества с отделом «Л» в подготовительных мероприятиях. Таким образом, в последние недели перед началом величайшей в истории войны офицеры высшего штаба вермахта оказались в странном, вызывавшем тревогу вакууме. Единственным мало-мальски важным заданием для него было составление графика военных действий

²⁹ Гитлер имел в виду поставить такую задачу перед итальянцами в случае войны на Западе, хотя времени решать этот вопрос не было.

– на рубежах, использованных для «военных прогулок», – на случай, если конфликт с Польшей придется решать силой. График базировался на докладах из армии, ВМС и ВВС; в нем перечислялись самые важные подготовительные мероприятия и указывались самые последние даты, когда Гитлер должен принять окончательные решения об оглашении необходимых приказов. Кроме инструкций по маскировке от разведки противника, он устанавливал предельный срок, когда в крайнем случае решение перейти от марш-подхода к наступлению может быть отменено или отложено. Этот график был типичным примером «канцелярской» работы, которую приходилось выполнять штабу; он явно не имел отношения к решению относительно войны или мира³⁰.

С середины августа, прочно обосновавшись к тому времени в Бергхофе, Гитлер начал подавать сигналы к усилению активности в военных делах; эти сигналы состояли почти исключительно из непрерывного потока настойчивых просьб и требований, касающихся планов выдвижения сухопутных сил. До тех пор пока главнокомандующий ОКВ через адъютантов Гитлера знал, что вообще происходит, он ограничивался устными сообщениями начальнику штаба сухопутных сил о пожеланиях Гитлера. Целью такого способа общения было избежать чрезмерного противодействия со стороны армии или повода для новых тренировок, подобных тем, что возникли в прошлом году из-за личного вмешательства Гитлера и письменных директив ОКВ. Следует признать, что результатом этого стало значительное усовершенствование планов на выдвижение сухопутных сил.

22 августа в большом зале приемов в Бергхофе Гитлер произнес многочасовую речь для всех старших офицеров вермахта, которые должны были занимать командные должности на суше, в море и в воздухе в случае военных операций против Польши. Он почти не оставил сомнений в том, что необходимо будет прибегнуть к силе. Однако истинной целью этого выступления было раз и навсегда убедить генералов и адмиралов в правильности его политики и особенно в том, что вмешательства западных держав не будет. Только накануне стало известно, что Сталин готов заключить с рейхом пакт о ненападении, и это, конечно, придавало немалый вес его прогнозу. После обеда командующие подробно изложили свои оперативные планы. Гитлер показал свою отличную осведомленность во всех деталях и, не колеблясь, внес собственные предложения, не проконсультировавшись ни с начальником штаба ОКВ, ни с начальником отдела «Л», несмотря на присутствие обоих.

Вся процедура поэтому выглядела как пропагандистская речь с последовавшими за ней выступлениями отдельных командующих, которые, бесспорно не все, использовали возможность подчеркнуть, что, как военные-профессионалы, они уверены в Гитлере. Это послужило примером, который Гитлер, как политический лидер и главнокомандующий, обратил в привычку; подобной церемонии предопределено было повторяться перед всеми крупными кампаниями или другими важными событиями до самого наступления в Арденнах в конце 1944 года. Однако она не могла стать заменой испытанного и убедительного способа – проведения военных учений.

23 августа, не дождавшись даже заложенного в «график» последнего срока, Гитлер в нетерпении приказал вермахту начать наступление на Польшу 26 августа; это довело ситуацию почти до критической точки. Задачей оперативного штаба ОКВ в этой связи стало, среди прочего, проинформировать высшее руководство рейха и партии, с тем чтобы они смогли задействовать все средства, предназначенные для поддержки вермахта, защитить население и контролировать общественную жизнь в случае войны. И опять полное игнорирование Гитлером четкого военного порядка действий стало вызывающе очевидным. Под руководством ОКВ, работавшего практически с каждым министерством и «канцелярией» партии, тщательные приготовления к войне, разработанные в течение нескольких лет, в соответствии с обыч-

³⁰ Во время представления этого графика я находился за пределами страны.

ной военной практикой, были включены в «мобилизационную книгу для гражданских властей». В последний момент все эти меры были отменены, что привело к неразберихе по двум пунктам. По мнению Гитлера, Польская кампания рассматривалась не как война, а как всего лишь «специальное использование сил вермахта», поэтому он потребовал, чтобы впредь до дальнейших приказов не предпринимались никакие шаги, ведущие к длительному нарушению жизни страны. Значительные силы вермахта должны были быть мобилизованы между 26 и 31 августа, но военная промышленность страны и большая часть обрабатывающей промышленности не должны были следовать его примеру до 3 сентября. Это создало различного рода трудности. Больше всех с самого начала пострадала промышленность, поскольку поэтапная мобилизация, идущая вразрез с детально разработанным в течение нескольких лет планом, означала, что следовало освободить от работы мужчин, подлежащих призыву, даже если они были необходимы на рабочих местах. Это рикошетом ударило по вермахту, которому пришлось решать сложную и трудоемкую задачу, кого из специалистов забирать, кого оставлять. Окончательный удар по уже разваливающейся системе был нанесен в тот самый день, когда разразилась война: Геринг уговорил Гитлера лишить ОКВ координирующих функций даже в таких делах. Обязанности, которые до тех пор выполнял «секретариат» оперативного штаба ОКВ, были переданы рейхсканцелярии; комитет обороны рейха был распущен и заменен «правительственным советом по обороне рейха», в котором решающий голос имела партия. Статьи закона об обороне рейха, второй проект которого уже значительно урезал власть военных, были отложены в сторону, и вермахт, таким образом, окончательно лишили какой-либо ответственности за «руководство нацией во время войны». Начальника штаба ОКВ даже не выслушали, хотя он и не высказывал никаких возражений.

Вечером 25 августа Гитлер отменил приказы о наступлении на Польшу по политическим причинам, что является предметом исторических исследований. Поскольку последний срок, указанный в графике, приближался, мы решили немедленно телефонировать всем заинтересованным ведомствам. Вскоре после этого меня срочно вызвали вслед за Кейтелем в рейхсканцелярию. Все, что потребовалось от отдела «Л», гитлеровского военного «бюро», – это одна фраза, письменно подтверждающая приказ. По дороге в канцелярию я испытывал большое облегчение, поскольку решил, что мир удалось сохранить, но, прежде чем мне дали время набросать проект приказа, это чувство уступило место глубокому разочарованию, потому что, когда я вошел, Шмундт встретил меня словами, настолько важными с исторической точки зрения, что заслуживают того, чтобы их процитировать: «Рановато праздновать; это всего лишь отсрочка на несколько дней!»

Картина неразберихи в рейхсканцелярии в тот момент, на взгляд опытного штабного офицера, была и невыносимой, и в определенной степени ужасающей. Я продолжал задавать себе вопрос: неужели, если война действительно на пороге, Верховный главнокомандующий собирается держать свою штаб-квартиру в этой атмосфере лихорадочной активности и беспорядка? Вопрос на тот момент весьма существенный, так как к этому времени, кроме ОКВ, лишь главный штаб ВМФ оставался на своем обычном месте в Берлине. Штабы сухопутных и военно-воздушных сил уже приступили к осуществлению мобилизационного плана и переезжали на заранее подготовленные для военного времени квартиры: ОКХ размещалось в лагере, состоявшем частично из барачных помещений, частично из защищенных бункеров, на краю учебного полигона Цоссен, примерно в 40–50 милях южнее Берлина; штаб ВВС обосновался в кадетском летном училище в Вильдпарке вблизи Потсдама. А для ОКВ до 1 сентября не планировалось никаких перемещений. Да и в любом случае было уже поздно; при таких обстоятельствах не могло быть речи об использовании запасного командного пункта, организованного при Бломберге на виллах в пригороде Берлина Далеме, хотя он был хорошо защищен и обеспечен необходимыми средствами связи, – и никаких других приготовлений не было сделано.

Нельзя сказать определенно, по каким причинам Гитлер отверг все предложения об организации штаб-квартиры ОКВ для военного времени. Когда начальник штаба ОКВ предложил наполовину готовый план размещения в только что отстроенных бараках около Потсдама, Гитлер заявил, что, как главнокомандующий, он не может переместиться из Берлина на запад в то время, когда вермахт движется на восток; для народа это выглядело бы как бегство от опасности! Очевидно, это была не более чем отговорка, чтобы уйти от принятия решения, но на самом деле он скорее понимал, что в тяжелые времена сможет оказывать необходимое влияние только из места расположения правительства, то есть из Берлина, и поэтому ему следует оставаться в столице. Тот факт, что Берлин находится посередине между востоком и западом, возможно, лишь укреплял его решимость, поскольку, оставаясь там, он представлял доказательство своей мнимой уверенности, что западные страны не станут вмешиваться. А то, что, несмотря на это, 3 сентября он принял неожиданное решение покинуть Берлин, было, возможно, еще одним показателем неуравновешенности его характера – рассчитанным действиям он предпочитал импровизацию; или же причиной мог стать эмоциональный порыв быть поближе к войскам; наконец, что почти наверняка, желание извлечь максимальный пропагандистский эффект из своей роли великого военного руководителя, которую он себе приписывал, было каким-то образом связано с принятым решением.

Даже Гитлер едва ли предполагал, что сможет должным образом и по всем военным правилам руководить боевыми действиями из своего поезда, какими бы средствами связи его ни обеспечили. Едва ли он был совсем не в состоянии понять, что для правильно организованной ставки понадобится больше, чем только Кейтель и Йодль, его собственные и их адъютанты, а также офицеры связи сухопутных сил и ВВС, которых срочно вызвали к поезду (еще один абсолютно непредсказуемый шаг, направленный на то, чтобы выдавить ОКВ). Но гораздо важнее для него было не лишиться своего обычного окружения, состоявшего из членов партии и представителей прессы, собственных фотографов и врачей, личных охранников и даже верных поклонниц, которые составляли компанию для беседы и музицирования по вечерам. Во всяком случае, именно таким образом он мотался во время этой «военной прогулки», так приехал в Австрию, через Судетскую область в Прагу. В конце концов, Польская кампания была не более чем «специальным использованием» вермахта³¹.

³¹ Специальный состав фюрера состоял из двух платформ с зенитными орудиями – в голове и хвосте поезда, нескольких пассажирских вагонов для связистов и представителей прессы, вагона-спальни, вагона-кабинета и вагона-гостиной для Гитлера, нескольких спальных вагонов обычного типа и вагона-ресторана.

Глава 2

Уроки польской кампании

Первыми инструкциями по обеспечению единого командования вермахта были директивы № 1 и 2, вышедшие в Берлине соответственно 31 августа и 3 сентября 1939 года; названия обеих включали дополнительные слова: «для ведения войны». Они уже упоминались в другом контексте. Начиная с выхода этих директив инструкции ОКВ стали аналогичными, как по форме, так и по содержанию, боевым приказам, в том смысле, в котором эти слова было принято употреблять в прусско-германском Генеральном штабе. Боевые приказы направлялись непосредственно подчиненным командира, и в них умышленно избегали каких-либо указаний на его намерения сверх того, что было явно *необходимо и касалось ближайшего будущего*. Директивы же должны были оставаться действующими как можно дольше. В соответствии с организацией высшего командования вермахта, учрежденной в 1939 году, директивы ОКВ сначала адресовались просто штабам армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил. Позднее количество ведомств, подчиненных непосредственно ОКВ, росло и все больше и больше менялся характер самих директив³². Кроме того, наблюдалось постепенное снижение качества приказов, исходящих от германской стороны. В отличие от них директива генералу Эйзенхауэру от Объединенного комитета начальников о вторжении в Европу от 12 февраля 1944 года поистине классическая: краткая и изложена общепринятыми терминами. Ее ключевой раздел (параграф 2 – задача) звучит так:

«Вы вступаете на европейский континент и, совместно с другими объединенными нациями, осуществляете боевые действия, нацеленные на центр Германии и разгром ее вооруженных сил. Дата вступления на этот континент – май 1944 года. После того как будут захвачены необходимые морские порты на Ла-Манше, дальнейшее наступление будет направлено на захват территории, которая обеспечит наземные и воздушные боевые действия против неприятеля».

Директива № 1 появилась в тот момент, когда закончились последние подготовительные мероприятия, заложенные в «график». Кодовое слово – вот все, что требовалось, чтобы привести в движение планы трех видов вооруженных сил, одобренные Гитлером для «решения проблемы силой». Это кодовое слово поступило из рейхсканцелярии 31 августа в 0.30, то есть за четырнадцать часов до окончательного срока по графику. В директиве просто говорилось: «Нападение на Польшу будет осуществлено в соответствии с приготовлениями по плану «Вейс» (Польша). Предложения трех видов вооруженных сил легли также в основу распоряжений тем «подразделениям вермахта, которые действовали на западе». Этим весьма слабым соединениям был отдан приказ: в случае открытых враждебных действий со стороны Англии и Франции «обеспечить условия для успешного завершения боевых действий против Польши, максимально экономя при этом свои силы». Хотя содержание этого распоряжения носило общий характер, Йодль придавал его выходу особое значение; безусловно, в первую очередь он был заинтересован в этой директиве как в документальном свидетельстве создания объединенного командования вермахта.

Так же обстояло дело и с директивой №№ 2, которая последовала сразу же после заявлений о вступлении в войну Англии и Франции. Был отдан приказ или выдано «разрешение» лишь на ограниченное число практических мер против западных государств, таких, как уста-

³² Следует определить различие между «директивами на ведение войны» и «оперативными приказами». Последний термин использовался Генеральным штабом сухопутных сил для передвижений больших соединений (группы армий или армии) с началом кампании или нового важного этапа боевых действий. Примеры, приводимые здесь и далее, четко отражают различия между этими двумя типами приказов и постепенное изменение в характере директив, издаваемых ОКВ.

новка минных полей и нападение на торговые суда, но даже эти меры не являлись «детищем» ОКВ. В данном случае они исходили от штаба ВМФ и уже были представлены главнокомандующим флотом Гитлеру и им утверждены. Эта директива ничего не давала, кроме печати приказа верховной ставки.

Гитлер втянул нас, против нашей воли и вопреки всем добрым советам, в войну на два фронта, и обе эти директивы дают ясное представление о том, какое огромное количество задач стояло в действительности перед объединенным штабом обороны в такой ситуации. Но политикой Гитлера в отношении Польши правили нетерпение и безумство; в результате человек, бывший одновременно и главой государства, и Верховным главнокомандующим, так и не дал возможности высшему военному штабу страны сопоставить содержание этих директив с трезвой, реальной оценкой общей политической и военной обстановки; подобный анализ сразу же выявил бы опасность возникновения второй мировой войны. Никаких шагов во исполнение указаний, прозвучавших в заключительной речи Гитлера 23 мая 1939 года, сделано не было; отдел «Л» даже не знал, о чем он там говорил. Поскольку предложение о проведении весной 1939 года широкомасштабных военных учений было отвергнуто, у штаба не было базового материала для каких-либо собственных подготовительных исследований. Его создали просто как личный штаб Верховного главнокомандующего, а не как Генеральный штаб вермахта. Поэтому, чтобы выбрать исходную обстановку для подобных военных учений, ему надо было самым тесным образом взаимодействовать со штабами сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, а на такое взаимодействие можно было рассчитывать только в том случае, если поступит личный приказ Гитлера³³. Теперь, когда, вопреки всем заверениям высших политических кругов, западные державы выступили на стороне Польши, Верховный главнокомандующий не подал знака о своих намерениях ни собственному штабу, ни штабам отдельных видов вооруженных сил, что позволило бы им, по крайней мере, проанализировать дальнейшее развитие событий. Это показало отсутствие у фюрера дара предвидения, которое проявилось тогда впервые, но которому суждено было пройти красной нитью сквозь весь опыт командования Гитлера в ходе этой войны.

Внезапный отъезд на фронт, тот факт, что он отделился от собственного штаба и начальников штабов всех видов вооруженных сил, не отвечающие требованиям условия работы в поезде фюрера – все это послужило просто-напросто еще одним примером склонности Гитлера к работе в атмосфере беспорядка и принятых наспех решений. Из пояснений Кейтеля на Нюрнбергском процессе:

«Спецсостав фюрера размещался на учебном полигоне Гросс-Борн (Померания); отсюда мы через день отправлялись в поездки на фронт, продолжавшиеся с раннего утра до поздней ночи, и посещали армейские и корпусные штабы. В каждом штабе фюреру докладывали обстановку; время от времени он встречался с главнокомандующим сухопутными силами. Гитлер очень редко вмешивался в проведение операций; сам я помню только два таких случая. В основном он лишь высказывал свою точку зрения, дискутировал с главнокомандующим сухопутными войсками и вносил предложения. Он никогда не брал на себя столько, чтобы отдавать приказы».

Больше всего власти по руководству боевыми действиями оказалось в руках начальника Генерального штаба сухопутных войск. Хотя за всю кампанию он ни разу не говорил по телефону ни с Гитлером, ни с Кейтелем или Йодлем, ни даже с полковником фон Ворманом – прикомандированным к этому поезду армейским офицером связи³⁴.

³³ Стоит вспомнить, что перед Первой мировой войной «большой Генеральный штаб» проводил оперативные исследования в течение десяти лет или более. До 1942 г. в штабе оперативного руководства ОКВ не было даже разведывательного отдела. Даже после этого его отдел разведки был в состоянии заниматься лишь сбором информации и не делал анализа полученных данных.

³⁴ Дальнейшие подробности того, что происходило в поезде фюрера, взяты из рассказа Вормана, написанного им после

Первый месяц войны принес быстрый и ошеломляющий успех боевых действий в Польше и «чудо» (воспользуемся этим штампом еще раз) французской стратегии позиционной обороны на западе. Это не позволило проверить способность импровизированных органов управления войсками на что-то большее. Все, что от них требовалось, – это «доклады об обстановке», которые проходили так же бессистемно, как и в первые дни сентября в рейхсканцелярии. Доклады базировались на информации, поступавшей дважды в день от сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил в отдел «Л» – то, что осталось от ОКВ в Берлине. Затем следовали бесконечные обсуждения в гитлеровском вагоне-кабинете, которые велись больше для него самого, нежели для аудитории. Вечерне ежедневное «коммунике вермахта» готовил отдел по связям с общественностью, в форму окончательного проекта его облакал в спецпоезде Йодль и, наконец, сделав обычно несколько собственноручных изменений, утверждал Гитлер. Единственным свидетельством попытки мыслить шире в этот период стало появление директив № 3 и 4 соответственно 9 и 25 сентября. Они касались главным образом переброски на Западный фронт тех сухопутных и военно-воздушных сил, без которых было не обойтись, а также дополнительных превентивных мер против Англии и Франции. В общих чертах эти директивы были разработаны в спецпоезде; затем в «черновом варианте» их направили в отдел «Л», работа которого заключалась в том, чтобы просмотреть этот проект вместе с оперативными отделами всех видов вооруженных сил. Когда проект был таким образом проработан и утвержден, его вернули Йодлю, который через Кейтеля получил подпись Гитлера и отвечал за рассылку.

Офицеры отдела «Л» в Берлине не были сильно загружены; однако они считали своей обязанностью поддерживать как можно более тесный контакт со штабами трех видов вооруженных сил. Отдел «Л» взял также на себя ежедневные доклады об обстановке, чтобы держать в курсе другие подразделения ОКВ, по-прежнему находившиеся в своих кабинетах мирного времени. На таких совещаниях обычно присутствовали следующие лица: начальники отделов, офицер, отвечающий за журнал боевых действий, и офицеры связи из разведки и контрразведки, из управления экономики и военной промышленности, отдела по связям с общественностью, службы связи, транспортного отдела и министерства иностранных дел. После того как донесения из действующей армии, информация из-за границы и другие важные сведения были представлены всем присутствующим, я, как начальник отдела «Л», собирал внутреннее совещание для своих подчиненных и рассказывал им обо всех соображениях или намерениях высшего начальства, о которых смог что-то узнать, затем давал указания насчет специальных заданий. В мои обязанности, как начальника отдела «Л», входило информировать о военной обстановке «заместителя фюрера» Рудольфа Гесса. Это происходило в его кабинете на Вильгельмштрассе. Единственное, что запомнилось от этих встреч: после моего краткого изложения ситуации не произносилось больше ни одного слова.

Кроме того, я прилагал немало усилий, чтобы поддерживать, насколько это было возможно, личный контакт со своим начальством. Первый рейс, который я совершил с этой целью примерно 10 сентября, был в Ильнау, в Верхнюю Силезию, куда поезд фюрера переехал из Померании. У меня опять-таки создалось впечатление лагеря, живущего в состоянии лихорадочной активности, абсолютно чуждой для нормальной жизни верховной ставки. Несмотря на успешные операции в Польше и продолжающееся затишье на западе, у человека, прибывшего в ставку, вскоре создавалось безошибочное впечатление, что находившимся там людям неспокойно. Особенно это проявлялось в энергичных усилиях, направленных на создание армейских резервов. Для этого Гитлер сначала потребовал увеличения людских ресурсов, мобилизацию

войны. В нем он говорит, что согласно инструкциям Браухича и Гальдера его самой главной задачей, как офицера связи при фюрере и Верховном командующем, было предотвращать вмешательство Гитлера и его штаба (Кейтеля и Йодля) в командование армией. В дневнике Гальдера 24 августа 1939 г., накануне возвращения Йодля в ОКВ, есть заметка о разговоре, должно быть, с начальником штаба ОКВ: «Кейтель, никакого вмешательства в боевые действия (Йодль)».

которых поручили Гиммлеру и Далюге, и создал «полицейскую дивизию». Объяснение могло быть одно, выдвинутое официально: в полиции большой резерв хорошо подготовленного личного состава. Партийная и политическая подоплека этой меры обеспокоила, однако, даже Кейтеля; Йодль ухитрился уйти от необходимости занять определенную позицию в этом первом щекотливом деле такого рода. Но это ничего не меняло, и штабу Йодля с помощью отдела «Л» пришлось готовить необходимые приказы – факт, который в глазах армии еще теснее связал ОКВ с партией.

Вторжение Красной армии на территорию Польши представило мне еще одно, даже более убедительное, доказательство того, что у нас изначально не было организованной ставки, способной действовать самостоятельно или давать указания другим. Примерно в полночь с 16 на 17 сентября мне в Берлин позвонил наш военный атташе в Москве генерал Кёстринг и сообщил о неминуемом вторжении русских частей в Восточную Польшу. Кёстринг, как он позднее признался, был явно не в курсе планов наверху; на другом конце телефонного провода я, начальник оперативного отдела ОКВ, счел его информацию невразумительной, так как понятия не имел ни о каких договоренностях по этому поводу или о возможности, что такое может произойти. Единственное, что мне оставалось, – так это заверить его, что сразу же передам его сообщение. Даже Кейтель и Йодль ничего об этом не знали. Один из них, впервые услышав о выдвигании русских, ответил шокирующим вопросом: «Кто против?» Ценные часы были затрачены на подготовку соответствующих приказов. Серьезные и кровопролитные столкновения между немецкими и русскими войсками становились теперь реальнее, поскольку они продвигались навстречу друг другу и их разделяли лишь остатки польской армии, а местами наши армии уже выдвинулись на 200 километров за демаркационную линию, о которой Риббентроп договорился с русскими, но не проинформировал об этом вермахт.

17 сентября во второй половине дня русский военный атташе в Берлине появился в сопровождении адмирала Канариса в отделе «Л» на Бендлерштрассе, чтобы получить от меня информацию относительно целей наступления и передвижений, осуществляемых германскими войсками в Польше. Это был полковник, одетый в коричневый военный китель, и он прослушал мою информацию с каменным лицом, не произнеся ни слова. Наша встреча имела важное продолжение. На следующее утро Йодль рассказал мне по телефону, что прошлой ночью Сталин сам позвонил из Москвы Риббентропу и сурово его упрекал за то, что, согласно сообщению русского военного атташе, немецкие войска намереваются занять нефтяное месторождение Дрогобыч в Южной Польше. Это, сказал он, нарушение демаркационной линии, установленной в секретном приложении к договору от 23 августа. Зная о нашей нехватке нефти, но не ведая об этом договоре, во время встречи с военным атташе я особо подчеркнул нашу заинтересованность в этой территории. Итак, я почувствовал, что стану первым жертвенным барашком, возложенным на алтарь столь сомнительной русско-германской дружбы. Но потом я узнал от Йодля, что, когда Риббентроп протестовал против военного вмешательства и нарушения его политических планов, Гитлер набросился на министерство иностранных дел и выгнал его со словами: «Когда во время войны дипломаты делают ошибки, их всегда ставят в вину солдатам». Дело было закрыто без всяких дальнейших последствий. Но, как зачастую случалось и позднее, никто не сделал из этого очевидного вывода о необходимости реального сотрудничества между министерством иностранных дел и высшим командованием, хотя оба подчинялись Гитлеру, а министр иностранных дел постоянно находился рядом. Риббентроп, Гиммлер и Ламмерс, начальник рейхсканцелярии, постоянно сопровождали Гитлера и считались частью ставки фюрера; у них был свой собственный поезд с кодовым названием «Генрих».

Самым ярким показателем реального положения, сложившегося на высшем уровне германского командования, является, однако, гораздо более важное событие того периода, причем событие именно в военной сфере, а именно решение Гитлера расширить военные действия путем нападения в ближайшее время на Запад. Быстрый успех, последовавший весной

1940 года, казалось, подтвердил на какое-то время правоту Гитлера; этот успех и катастрофа в итоге делают почти невозможным точно описать впечатление, которое произвело практически на всех офицеров высших штабов известие о планах Гитлера. Объявление о вступлении в войну западных держав 3 сентября стало шоком для старших офицеров, которые помнили Первую мировую войну и знали, что в 1939 году германские вооруженные силы не были готовы к такой войне. Но теперь оба противника в течение нескольких недель заняли укрепления по обе стороны франко-германской границы и залегли напротив друг друга практически в полном бездействии. Едва ли стоит удивляться, что наряду с быстрым устранением Польши как политического и военного фактора это рождало надежду, что такой войне удастся положить конец с помощью каких-то политических средств до того, как центр Западной Европы второй раз за четверть столетия окажется в руинах и понесет ужасающие людские и материальные потери. В крайнем случае, думали многие, можно держать на западе прочную оборону, которую вскоре станут обеспечивать основные силы германской армии; промышленные товары и продовольствие можно свободно завозить из восточных стран, и Запад в конце концов будет готов заключить мир. Штаб сухопутных сил уже издал первые инструкции о переходе основной части своих войск к обороне.

Никто не может точно сказать, в какой день Верховный главнокомандующий пришел к решению начать наступление на западе или что заставило его пойти на этот шаг. Известно одно: это решение больше всех затрагивало главнокомандующего сухопутными войсками, тем не менее, когда Браухич появился в спецпоезде 9, а затем 12 сентября и провел первый раз с Гитлером не меньше двух часов, тот ни словом не обмолвился о своих намерениях. После этого совещания Браухич спросил Вормана, есть ли у Гитлера какие-то мысли о нападении на Запад. Получив от Вормана отрицательный ответ, Браухич добавил: «Вы знаете, что мы не сможем сделать это; мы не можем атаковать линию Мажино. Вы должны сразу же дать мне знать, если идеи такого рода возникнут даже в ходе беседы». Ясно и то, что накануне принятия этого решения не проводилось консультаций ни с одним старшим офицером, хотя оно означало ни больше ни меньше как начало Второй мировой войны. Второй раз я побывал в ставке 20 сентября (к тому времени офицеры перебрались из спецсостава в отель «Казино» в Сопоте). Кейтель был просто ошеломлен и рассказал мне об этой новости, серьезнейшим образом предупредив, что все должно держаться в тайне и намерение Гитлера следует рассматривать как совершенно секретное. Даже ему, главкому ОКВ и «единственному советнику по делам вермахта», Гитлер ничего не сказал, и Кейтель узнал обо всем от адъютантов фюрера! Поэтому Кейтель полагал, что у него не было возможности открыто высказать свои возражения. Что касается меня, то я сразу же решил выступить против этого решения Гитлера, и сделать это не через главкома ОКВ, не через Йодля, который снова, как моллюск, захлопнул створки своей раковины, а действуя вместе с Генеральным штабом сухопутных войск. У них не могло быть более важного долга, чем спасти народ и страну от новой мировой войны. Генеральный штаб армии казался на тот момент единственным доступным каналом; на кого выходить, тоже было ясно, потому что из моего регулярного общения с заместителем начальника этого штаба я знал, что генерал фон Штюльпнагель получил от своего главнокомандующего задание подготовить оценку его (главнокомандующего) концепции войны на Западе – войны оборонительной, которая при необходимости может тянуться годы. Генерал фон Штюльп-нагель выискивал всяческие аргументы в пользу этого тезиса. Однако моя попытка не принесла ожидаемых результатов³⁵. До 27 сентября штаб армии, казалось, не обращал внимания на мою информацию. Во всяком случае, примерно в это же время они опять выясняли у генерала фон Вормана, нет ли у Гитлера планов нападения, и вполне удовлетворились его категорическим «нет».

³⁵ В дневнике Гальдера 25 сентября 1939 г. недвусмысленно говорится: «Штюльпнагель: доклад Варлимонта по поводу намерения фюрера напасть на Запад».

27 сентября, на следующий день после возвращения в Берлин, Гитлер собрал в новой рейхсканцелярии главнокомандующих сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами, пригласив и нас с Кейтелем, и сообщил о своих намерениях. Все, включая даже Геринга, были просто ошеломлены. Никто из них явно не читал или, по крайней мере, не уловил суть фразы в только что вышедшей директиве № 4: «Необходимо обеспечить готовность в любой момент перейти к наступательным действиям». У Гитлера был клочок бумаги, на котором он написал несколько ключевых слов, чтобы не забыть обоснования своего решения и общие указания по поводу боевых действий, которые он хотел нам дать. Закончив говорить, он тут же в кабинете выбросил эту бумажку в камин; никто не высказал ни слова против.

Хотя все происходившее, безусловно, носило серьезный характер, была и комическая сторона поведения, пару картинок которого я наблюдал во время пребывания в Сопоте. Рано утром от двадцати до тридцати машин выстраивались по две в ряд на дороге у отеля, чтобы выехать в район боевых действий севернее Гдыни. За движение кортежа с машиной Гитлера во главе отвечал генерал Роммель³⁶, комендант ставки. Когда я с удивлением спросил, почему машины едут по две в ряд, Роммель ответил, что после множества неприятных случаев он установил такой «порядок передвижения», потому что это позволяет наилучшим образом соблюсти приоритеты и протокольные требования огромного числа невоенных визитеров, наводнивших в ту пору верховную ставку. Таким образом, по крайней мере двое или шестеро из сидевших в двух машинах будут находиться в равном положении и на одном расстоянии от Гитлера, а для них это важнее всего. Но в тот день у Роммеля случилась еще одна неприятность: кортеж съехал на узкую дорогу, где движение машин по две в ряд стало невозможно, и большинство машин остановилось, пока проезжали Гитлер и все руководство. Тем, кого оставили позади, немедленно передали, что движение временно остановлено, чтобы Гитлер мог нанести краткий визит в располагавшийся по соседству госпиталь. Тем не менее, хотя кортеж и находился практически в зоне боевых действий, Мартин Борман, глава партийной канцелярии, устроил жуткую сцену и поносил Роммеля последними словами, видимо, за пренебрежительное к нему отношение. Роммель ничем не мог ответить на такую наглость. Когда я выразил свое негодование по поводу поведения Бормана, он просто попросил меня сказать столь же убедительно все, что я об этом думаю, старшему адъютанту фюрера Шмундту.

³⁶ Генерал, прославившийся позднее благодаря Африканским корпусам.

Часть вторая

Развертывание ставки

Сентябрь 1939 г. – май 1940 г

Глава 1

Время и место действия

Кажется, в начале сентября 1939 года внутри поезда фюрера уже начало складываться мнение, что такая нежесткая, ограниченная в своих действиях, сформированная «на данный случай» передвижная ставка не сможет решать более сложные командные задачи в будущем. Если Верховный главнокомандующий собирается осуществлять командование в полном военном понимании этого слова, то есть если он намерен сам руководить не только военным планированием, но и *проводимыми в настоящее время военными операциями*, то нужна новая, более солидная структура.

Маловероятно, что идейным вдохновителем такой перемены взглядов был Гитлер. Что до него, то он казался полностью удовлетворенным той ролью, которую сыграл в Польской кампании. Во всяком случае, он понятия не имел о механизме командования в боевых условиях и поэтому едва ли сделал необходимые выводы. А вот для Йодля условия в спецпоезде определенно должны были показаться неудовлетворительными, особенно с учетом его собственного амбициозного представления о жесткой структуре объединенного командования вермахта. Поэтому вполне возможно, что именно он настаивал на совершенствовании организации верховной ставки. Первое, что требовалось, – это хорошо подобранный и квалифицированный личный состав, который, по мнению Йодля, можно найти в оперативном штабе ОКВ, и соответствующая система связи.

Эти условия, вполне вероятно, были приняты, если Гитлер, что он затем и сделал, решил последовать примеру всех своих союзников и противников – Муссолини, Черчилля, Рузвельта и, насколько нам известно, Сталина – и остаться вместе с правительством в Берлине. Однако похоже, что, во всяком случае вначале, это решение рассматривалось как временное. По крайней мере, когда я прибыл 10 сентября в поезде фюрера, Йодль поручил мне провести рекогносцировку на предмет размещения полевой штаб-квартиры ОКВ на западе Центральной Германии, откуда можно будет руководить следующими этапами военных действий. Я хорошо помню, что среди полученных инструкций была одна, исходившая, вероятно, от самого Гитлера: выбрать участок вне досягаемости для дальнобойной артиллерии, но при этом как можно ближе к Западному фронту. Там же в непосредственной близости должны размещаться командные пункты генеральных штабов сухопутных и военно-воздушных сил.

Самое подходящее место для первой полевой штаб-квартиры нашел один офицер из отдела «Л». Оно находилось в предгорье хребта Таунус в районе Гессен – Наухайм, но только в конце 1944-го – начале 1945 года после более пяти лет войны ставка наконец обосновалась там. Казалось, старое фамильное поместье Зигенберг удовлетворяло всем требованиям: там был загородный дом и обширные сельскохозяйственные постройки. Владелец явно хотел его продать, поэтому под руководством Тодта, генерал-инспектора по строительным работам, сразу же начали перестройку и установку оборудования. Однако эти приготовления не удалось завершить в срок из-за наступления на Западе, которое Гитлер назначил на осень 1939 года. Поэтому в октябре отдел «Л» временно разместили в специальном поезде, который при необходимости должен был следовать за поездом фюрера. Сначала это были три пассажирских

вагона: два спальных и третий штабной, но во время войны он постепенно разросся до двух полноценных специальных поездов, находившихся в постоянной готовности для размещения личного состава и передвижения основных подразделений оперативного штаба.

Так получилось, что наступление на западе постоянно откладывалось из-за плохих погодных условий. Но тем временем военные помощники Гитлера, как им и полагалось на самом деле, начали все глубже и глубже вникать в организацию полевой штаб-квартиры. Вскоре выяснилось, что место, выбранное отделом «Л», во многом не соответствует личным пожеланиям Гитлера. Он, как оказалось, не хотел жить в загородном доме и не желал иметь под боком коровники и слышать лошадиное ржание и другие сельские шумы. Адьютанты сами стали рыскать вокруг и тут же начали обдумывать совершенно иной план. Вскоре кое-что подходящее было обнаружено в тылу за линией Зигфрида. Выбрали три похожие группы бункеров, один на севере близ Мюнстерейфеля, один в центре рядом с Ландштулем в Пфальце и один на юге в горах Шварцвальд, неподалеку от Книбиса. В середине февраля стало ясно, что оборудование для связи не будет готово до июня. Вслед за тем Гитлер решил наконец, что, «когда начнутся боевые действия», он отправится не в Зигенберг, а в Фельценнест (приют в горах) – кодовое название, которое тем временем присвоили лагерю у Мюнстерейфеля. Он уже отдал приказ ОКХ расположиться рядом, а теперь воспользовался случаем, чтобы настоять на этом, потому что сам выбрал для штаб-квартиры главнокомандующего сухопутными силами и начальника штаба с минимально необходимым персоналом соседний охотничий домик. Военно-воздушным силам позволили выбрать штаб-квартиры на свое усмотрение. Специальный поезд, известный под названием «Генрих», с Риббентропом, Ламмерсом и Гиммлером отогнали на западный берег Рейна.

Приказ о том, что ОКХ должно находиться в непосредственной близости от ставки фюрера, очевидно, содержал в себе более серьезный подтекст. Это ясно из того, что Кейтель решил передать этот приказ лично, надеясь, что требования Гитлера будут приняты с гневом. Неожиданно он не встретил никакого сопротивления. Понятно, что Гитлеру хотелось держать сухопутные войска в узде, но Гальдер, вероятно, думал, что географическая близость дает армии больше шансов оказывать решающее влияние на ход операций и ведение войны в целом и в то же время освобождает ее от опеки ОКВ. А вышло-то все по-другому!

Вопрос о создании полевой штаб-квартиры был окончательно решен, когда Йодль отдал распоряжение начальнику связи, чтобы группа бункеров под кодовым названием Фельценнест и соседняя группа Форстерей должны быть готовы к 11 марта 1940 года³⁷.

³⁷ Дневник Йодля, 24 октября и 15 ноября 1939 г., 8 января, 14, 22, 24, 26, 29 февраля 1940 г., а также дневник Гальдера, 25 февраля 1940 г.

Глава 2

Взгляд изнутри

По возвращении с восточной границы Гитлер отправился на прежнее место в рейхсканцелярию в Берлине и покидал ее лишь иногда для поездок в Берхтесгаден и с рождественским визитом в ряд частей ваффен-СС³⁸ на Западном фронте. Во время этих поездок сопровождающим военным персоналом были его помощники; однако в спецпоезде у него вошло в привычку тесно работать с двумя высшими офицерами ОКВ, и такой порядок сохранился в Берлине. По его распоряжению на первом этаже старой рейхсканцелярии два кабинета отдали в распоряжение Кейтеля и Йодля; эти кабинеты примыкали к залу заседаний парламента, который использовался в качестве картографического кабинета и для инструктивных совещаний. Это означало, хотя едва ли оба генерала так представляли себе ситуацию, что отныне они вошли в состав *домашнего воинства* Гитлера, а также так называемого близкого окружения. Генерал Йодль, во всяком случае, завтракал обычно в компании, в которой можно было встретить множество «великих особ» Третьего рейха.

На первый взгляд может показаться, что «новый порядок» не имел существенного значения, но на самом деле он, безусловно, исходил из безошибочной природной способности Гитлера разобщать власть, и в очень большой степени это определило всю последующую «структуру» ставки со всеми ее трениями и разногласиями. Самое главное с точки зрения армии заключалось в том, что этот порядок открыл путь тем «безответственным закулисным влияниям», которым, как заявлял генерал Бек в ходе прошлых дискуссий по созданию ставки, «нет места в структуре командования и руководства во время войны». Весьма показательными были ежедневные доклады обстановки, по-прежнему устраиваемые Гитлером, как и во время Польской кампании. По сути дела, подавляющее большинство обсуждаемых вопросов касалось сухопутных войск, тем не менее представитель Генерального штаба сухопутных сил на них не присутствовал. Единственно, кто принимал в них участие, – так это представители «домашнего войска» – Кейтель, Йодль и помощники, а также обычно личный офицер связи Геринга генерал Боденшатц. Армейского же офицера связи исключили из этого круга, по наущению Йодля, за ненадобностью. Начальника отдела «Л» и его офицеров обычно не приглашали, даже если они только что вернулись с фронта или еще откуда-то, куда их отправляли по спецзаданию³⁹. Незадолго до этого генерал Йодль пробился в основные докладчики. Он удачно подошел как по складу характера, так и по воспитанию для роли помощника Верховного главнокомандующего и таким способом поставил себя на один уровень со своим начальником, главкомом ОКВ, и зачастую действовал в обход него. Кейтель, видимо, смирился с тем, что не надо вообще ничего говорить, достаточно выражать горячую поддержку идеям Гитлера. Часть доклада по текущим событиям Йодль поручал двум штабным офицерам, назначенным ему в помощники. Помощники же Гитлера отныне ограничились ролью слушателей – тоже по указанию Йодля.

Доклады базировались большей частью на донесениях и разведывательных данных, за сбор которых отвечал отдел «Л», получавший их от трех видов вооруженных сил. Естественно, доклады касались в первую очередь событий и изменений обстановки на текущий день, и в них не затрагивались такие более отдаленные задачи, на которые при нормальном личном контакте с войсками обращают внимание командиры на любом уровне. Однако это не смущало

³⁸ Ваффен-С С – вооруженные части СС, охранная гвардия нацистской партии. Это были полностью военизированные части, в которые набирали добровольцев, подготовка, снабжение и управление осуществлялись СС.

³⁹ Даже в таких случаях Йодль настаивал на том, чтобы делать доклад самому. Например, 18 декабря 1940 г. он записывает в дневнике: «Начальник отдела «Л» докладывает о своей командировке». Это все, что он сообщает о моем докладе насчет бесед с генералом Манштейном, начальником штаба группы армий «А», в его штаб-квартире в Кобленце – докладе, содержавшем зачаточные идеи *плана Манштейна*.

ни Гитлера, ни генералов ОКВ, вечно крутившихся около него. Они спокойно продолжали разрабатывать свои идеи и выносить решения на абсолютно неверной основе и постоянно ставили главнокомандующего сухопутными войсками перед лицом заранее сложившихся замыслов, иногда даже уже свершившихся фактов.

Такой порядок порождал еще одну столь же серьезную опасность. Главком ОКВ и начальник штаба оперативного руководства ОКВ полностью подпали под влияние Гитлера и одновременно все больше и больше отдалялись от размышлений о вермахте в целом и своем родном виде вооруженных сил, а именно – о сухопутных войсках. И это люди, которые после ухода Бломберга мучительно боролись за объединенное командование вермахта; между тем ныне их действия стали главным фактором в разрушении его единства.

Трения и неудачи внутри штаба оперативного руководства ОКВ

Источник разногласий находился внутри собственного штаба Йодля. Как только он вернулся в Берлин, я попросил о новом назначении. Хотя мы знали друг друга не больше, чем прежде, в ходе Польской кампании у меня усилилось впечатление, что нам не ужиться. Однако были и другие причины, по которым мне хотелось уйти. Во-первых, в то время, как большинство старших офицеров получали более ответственные посты, я понял, что меня понизили, как никогда. Само по себе это не было бы достаточно веской причиной в военное время, но на основании предшествующего опыта, видя, как рассматривает мою должность и как использует меня Йодль, я понял, что настоящей работы для меня, полковника Генерального штаба, рядом с Йодлем не будет. Поэтому я заявил, что новое назначение, возможно, устроит всех. Я мог упираться на то, что в конце сентября дал возможность большинству офицеров, назначенных в мой отдел, продвинуться по службе.

Генерал Йодль по своей привычке не дал мне определенного ответа, а мое отвращение к атмосфере, царящей в верховной ставке, тем временем росло по мере того, как все яснее становилось, что это за структура на самом деле. Йодль еще в 1938 году охарактеризовал положение ОКВ по отношению к Гитлеру, назвав его «действующим штабом» фюрера. Ныне, войдя в состав близкого окружения, он понимал под этим те подразделения отдела «Л», которые он обычно привлекал в помощь для повседневной штабной работы. В результате распад отдела, где на непостоянной основе служили лишь двенадцать – пятнадцать офицеров, продолжился, когда состоялся переезд на полевую штаб-квартиру. Сравним это с тем, что перед самой войной штат мирного времени одного только Генерального штаба сухопутных сил включал двенадцать отделов под началом пяти заместителей начальника штаба. Штат военного времени составлял около тысячи офицеров⁴⁰.

Но был и гораздо более глубокий тайный смысл в подобном толковании Йодлем названия «действующий штаб», и это стало решающим фактором во всех дальнейших усовершенствованиях методов работы в верховной ставке. Вопреки всем традициям Генерального штаба армии, Йодль по примеру Гитлера смотрел на офицеров своего штаба не как на коллег, которые имеют право быть самостоятельными в своих мыслях и решениях, вносить предложения и давать советы, а как на механизм для подготовки и издания приказов. Фон Лоссберг говорит в своей книге:

«Йодль по натуре был неразговорчив и не выдерживал длительных дискуссий. Он редко принимал чьи-либо советы. Он поручал своему штабу во главе с Варлимонтом ясно сформулированные задания; даже Варлимонт был в его глазах просто подчиненным, который не имел права действовать по своему усмотрению, на что обычно рассчитывают высшие офицеры штаба».

⁴⁰ Дневник Йодля, 13 октября 1939 г.

Но такой метод работы был не просто причудой Йодля; он полностью соответствовал концепции нового типа Генерального штаба, который Геринг пытался внедрить в люфтваффе весной 1939 года; в обоих случаях эта концепция исходила из принципа национал-социализма: безоговорочное послушание начальству и неоспоримый авторитет для подчиненных. Со стороны Йодля это было не что иное, как внедрение стиля работы Гитлера в сферу деятельности Генерального штаба; вместо хорошо испытанной в германской армии системы «поставки задач», рождался новый тип системы командования, заставляющий выполнять его волю посредством приказов, в которых прописано все до мельчайших деталей.

Природные склонности Йодля подкреплялись той дистанцией, которую, вопреки обычной практике, он установил между собой и своими подчиненными. Дистанцию физическую можно было бы измерить, например, в минутах езды, сначала в Берлине – от Бендлерштрассе до рейхсканцелярии, а затем в большинстве полевых штаб-квартир – от зоны 1 до зоны 2; можно было бы измерить ее и в часах, проведенных на борту самолета, как это бывало в 1940–1941 годах, когда Йодль проводил иногда по несколько недель в гитлеровском логове в Берхтесгадене. Фактическое расстояние было не столь важно. Все дело в том, что по причине физической удаленности, а также потому, что Йодля это устраивало, у него все больше и больше входило в привычку самому составлять для Гитлера проекты директив, а отдел «Л» использовать только для необходимого согласования этих проектов с армией, флотом и военно-воздушными силами или, чаще всего, просто в качестве своей канцелярии⁴¹. По той же причине «нормальным каналом связи» с главнокомандованием отдельных видов вооруженных сил стали устные сообщения; этот канал шел в обход отдела «Л», получавшего лишь обрывочную информацию и, как правило, слишком поздно; канал начинался с Йодля и им же заканчивался, поскольку Йодль был единственным надежным источником информации о целях и замыслах Гитлера.

Другим следствием такого физического разобщения стало то, что младшим офицерам штаба было почти так же трудно встретиться с генералом Йодлем, как с самим Гитлером. С личной точки зрения большинство офицеров, включая меня, полностью оценили бесценное преимущество быть свободными от хождения на задних лапках перед Гитлером и иметь возможность работать в более здоровой атмосфере чисто военного штаба. Но с точки зрения формальной мы находились в изоляции и зачастую вне происходивших событий – факт, который в значительной степени препятствовал формированию единого оперативного штаба, столь желанного для Йодля.

Эти особенности работы штаба вызывали сожаление, но между начальником штаба оперативного руководства ОКВ и мной, как старшим офицером штаба, существовали более глубокие разногласия в сфере политики и ведения войны в целом. Слепая вера Йодля в Гитлера, выраженная в основном невоенным языком в панегириках в его дневнике, стала в конце концов полностью определять его взгляды и каждый его поступок, хотя он ни разу ни слова не сказал по этому поводу. 15 октября 1939 года, когда спор с армией относительно наступления на Западе был в полном разгаре, он записывает в своем дневнике: «Даже если мы, возможно, и действуем на сто процентов вопреки доктрине Генерального штаба, мы выиграем эту войну, потому что у нас лучше армия, лучше вооружение, крепче нервы и решительное руководство, которое знает, к чему оно стремится». Я подобных иллюзий никогда не питал. В отношениях между двумя высшими офицерами штаба оперативного руководства не существовало фундамента в виде взаимного доверия, что позволило бы нам честно обсуждать и таким способом ликвидировать расхождения во взглядах по вопросам войны и мира или по общим направлениям ведения войны, не говоря уж о деликатной теме политики национал-социалистов как в

⁴¹ Такой порядок часто использовался Йодлем. Это важно помнить, когда имеешь дело с документами под грифом штаба оперативного руководства ОКВ и отдела «Л». Такой гриф не всегда означает, что этот отдел в целом, или его начальник, или его офицеры имели какое-то отношение к подготовке текста или вообще знали о нем. Зачастую Йодль просил отдел «Л» просто присвоить документу регистрационный номер, а потом готовил проект сам или заставлял своих помощников.

социальном аспекте внутри Германии, так и в общем плане на оккупированных территориях. Осенью 1939 года я сделал еще две попытки повлиять на ход событий, но фактор времени и ограниченная свобода действий, предоставленная начальнику отдела в ОКВ, обрекли обе эти попытки на провал. Любыми средствами, официально и в частном порядке, я пытался уйти из ОКВ и вернуться в войска. Мне еще раз отказали на том основании, что в высшем Генеральном штабе не хватает офицеров; в конце концов осенью 1943 года Гитлер в письменной форме постановил, что на ключевых постах в личном составе штабов не должно быть впредь никаких изменений. Это касалось приблизительно двадцати офицеров ОКВ, ОКХ и ОКЛ, в основном в генеральском звании; им дали понять, что они должны довольствоваться тем, что служили в войсках в Первую мировую войну. Истинной причиной появления такого приказа Гитлера была, возможно, не просто все возрастающая «неприязнь к новым лицам», а боязнь покушения на его жизнь. Только после 20 июля 1944 года у этих офицеров появилась хоть какая-то надежда перейти на другую службу, если только перемена места не приводила их в госпиталь, военный трибунал или на виселицу. В известном упреке, что многие штабные офицеры высшего эшелона стали «штабными крысами», есть доля правды, но едва ли было бы справедливо отнести это к тем, о ком я здесь говорю.

В период между кампаниями в Польше и во Франции никакого прогресса в устранении неопределенности относительно положения ставки Верховного командования и ее обязанностей внутри структуры вермахта достигнуто не было; эти вопросы оставались так же далеки от решения, как и в предвоенные годы. Несомненно, генерал Йодль понимал, что его концепция ОКВ как гитлеровского военного «действующего штаба» полностью оправдана тем, что с начала войны диктатор посвящал большую часть своего времени военным делам, и это демонстрировал факт появления его теперь, как правило, в форме военного образца. Кроме того, всем было ясно видно, что теперь старшие офицеры ОКВ оказались максимально приближены к нему. С другой стороны, такое представление о «действующем штабе» только поощряло склонность Гитлера использовать его, даже в военное время, в качестве своей военной канцелярии, своего рода переговорной трубы, фактически машины, которая составляет проекты приказов и следит за их исполнением. Он считал, что имеет право отдавать приказы в военной сфере так же, как и во всех остальных. Возможно, наиболее яркой иллюстрацией этих странных отношений является то, что в дневниковых записях Йодля того периода едва ли найдешь хотя бы одну за те дни, когда Гитлер по каким-то причинам не появлялся на ежедневном инструктаже.

В этих условиях остальным офицерам штаба оперативного руководства ОКВ, которые не были столь явно зачарованы Верховным главнокомандующим и для которых я, как шеф отдела «Л», был самым старшим начальником, следовало осознать, что их прямой и самой неотложной задачей является укрепление организации и повышение статуса штаба ОКВ, для того чтобы он способен был удовлетворять возрастающим требованиям военного времени. Этого не произошло, и надо признать, что подобную несостоятельность нельзя сваливать ни на разногласия и трения внутри штаба, ни на продолжавшееся противостояние главнокомандований трех видов вооруженных сил. Оглядываясь назад, можно найти некое оправдание в том, что все последующие предложения по оздоровлению обстановки ни к чему не привели из-за абсолютно негативной позиции Йодля.

Таким образом, в период развертывания верховной ставки и думать забыли об организационных планах середины тридцатых годов, в которых зримо просматривалось создание настоящего, действенного Генерального штаба вермахта. Вместо этого обязанности высшего штаба вермахта, круг которых оставался неясным, возникали «на данный случай» без четкого руководства и контроля.

Яркой иллюстрацией к создавшейся ситуации стал упомянутый выше факт, что именно Гитлер, один и без посторонней помощи, принимал решение о начале наступления на западе и определял общие направления предстоящей операции. Более того, весь последующий порядок действий не был тем, что называется «обычной работой военного штаба». Йодль довольно подробно изложил эту сторону вопроса в своих показаниях перед Международным военным трибуналом, сказав, что «главнокомандующий, в данном случае лично Гитлер, получал данные для выработки решения, карты, сведения о численности личного состава наших вооруженных сил и сил противника, а также разведанные о противнике». На самом деле порядок действий Гитлера был прямо противоположным. Его приказ о начале наступления на западе базировался в первую очередь на собственной интуитивной оценке противника и полностью игнорировал тот факт, что, как только военные действия выйдут за пределы Польши, его свобода действий в политических и военных вопросах будет ограничена. Что касается последующих его решений, в частности нападение на Россию, объявление войны Соединенным Штатам и, не менее важное, давление на Италию по поводу ее вступления в войну, то он буквально находился под гипнозом собственных представлений о политической ситуации и не брал в расчет военные последствия. Это было искаженное приложение классического принципа «дипломатия управляет стратегией». Он имел доступ к исчерпывающим статистическим данным по вооружению иностранных государств, их фортификационным сооружениям, численности личного состава флота и авиации; в общих чертах он был знаком с военной географией. Но все эти факторы суммировались в его голове так, что он принимал желаемое за действительное и, запрашивая затем конкретные военные данные и развединформацию, учитывал их лишь в той степени, в которой они подтверждали уже сформировавшуюся у него оценку. Все остальное, как правило, отбрасывалось и приписывалось «пораженческим настроениям Генерального штаба».

9 октября 1939 года Гитлер написал обширную памятную записку, полностью продукт его собственного творчества, где попытался оправдать свои планы и указания о начале наступательных действий на западе, против которых, как он знал, сильно возражала армия. Йодль заявил в Нюрнберге: «Она была продиктована самим фюрером слово в слово и написана за две ночи». На этом этапе работа штаба оперативного руководства ОКВ состояла в том, чтобы облечь планы и пожелания Гитлера в форму директивы, которая появилась в тот же день под № 6. В ней было восемь коротких параграфов, последний из которых гласил: «Я требую, чтобы главнокомандующие в кратчайший срок представили мне [Гитлеру] свои подробные планы, основывающиеся на данной директиве, и постоянно информировали меня о ходе дел через ОКВ».

Такая формулировка стала обычной для последующих аналогичных директив. Тот, кто несведущ в военных делах, вряд ли заметит, что за ней скрывается одно важное обстоятельство. Разработать реальный план расстановки сил и план военных действий на первом этапе, то есть фактически боевой приказ, должен был именно Генеральный штаб армии, тогда как другие виды вооруженных сил, в частности ВВС, должны были определиться с основными направлениями для собственных детальных планов действий. Штаб оперативного руководства ОКВ не в состоянии был планировать операции. До осени 1944 года не найти ни одного примера, когда бы он этим занимался, хотя, как ни странно, генерал Йодль в показаниях Нюрнбергскому трибуналу заявлял обратное; вероятно, он не упускал из виду военных историков⁴². Подготовительные этапы кампании на западе можно подробно проанализировать на основе выборочных документальных свидетельств. Они достаточно ясно показывают, что генеральные направления так называемой операции начали всплывать только тогда, когда вышел оперативный при-

⁴² Единственным исключением были «специальные приготовления» для Дании и Норвегии, но опять-таки с некоторыми оговорками.

каз для сухопутных сил, а директива ОКВ представляла собой не более чем общие указания. Доказательства этому можно найти в фактах, приводимых ниже.

21 октября Кейтель представил Гитлеру «Цели сухопутных сил в операции «Желтый план» (наступление на западе). За два дня до этого они поступили в ОКВ через отдел «Л» из Генерального штаба сухопутных войск в виде проекта оперативного приказа. (В данном случае главнокомандующий сухопутными силами оставил за начальником штаба ОКВ право представить доклад по «сугубо армейским делам»; такого не случилось прежде и больше ни разу не повторилось.) Таким способом он выразил несогласие с основной директивой, уже разосланной Гитлером.

Йодль сам подготовил схематическую карту, отражавшую расстановку сил, включая и ВВС; но она была согласована между штабами армии и ВВС без какого бы то ни было участия ОКВ. Гитлер внес свои замечания и добавил несколько дополнительных требований⁴³. На следующий день Кейтель и Йодль выехали вместе в Цоссен, чтобы проинформировать Гальдера о замечаниях и дополнительных требованиях Гитлера⁴⁴.

После дальнейших длительных дебатов Гитлера со старшими офицерами ОКВ, с одной стороны, и главнокомандующим сухопутными силами и его начальником штаба – с другой – 29 октября вышел обновленный оперативный приказ для сухопутных войск.

Он был заверен подписью как приказ по вермахту директивой № 8 по ведению войны, разосланной ОКВ 20 ноября 1939 года. В нее вошли дополнительные пункты, которые потребовал включить Гитлер⁴⁵.

Аналогичную процедуру прошли оперативный приказ по сухопутным войскам № 3 от 30 января 1940 года и, наконец, приказ № 4 от 24 февраля 1940 года, по которому в мае в конце концов это нападение и состоялось. Стоит отметить, что Гитлер принимал активное участие в переделке собственного первоначального плана в тот, что привел в итоге к успеху Французской кампании, – так называемый план Манштейна. Однако Йодль выступал против него до самого последнего момента. Поэтому единственным вкладом ОКВ в разработку плана боевых действий на западе были дискуссии, которые велись практически ежедневно между Гитлером, Кейтелем и Йодлем. Результаты этих дискуссий передавали всем заинтересованным службам, когда устно, когда письменно, либо сами эти генералы, либо по их указанию офицеры отдела «Л». Такой порядок существовал и в отношении так называемых «спецопераций», планы которых рождались в неумном мозгу Гитлера в огромном количестве и в разнообразных формах; это могли быть внезапные удары штурмовых подразделений саперов на планерах и небольших парашютных подразделений с целью захвата важных мостов и фортификационных сооружений на границе в начале наступательных действий на западе, с тем чтобы главные передвижения войск происходили быстро и гладко. Штаб оперативного руководства ОКВ был также «официальным каналом», по которому прошли в течение двух месяцев, начиная с 7 ноября 1939 года с интервалами от двух до семи дней, один за другим тринадцать приказов, в которых то назначалась, то откладывалась дата начала наступления. И наконец, было еще несколько инструкций – творения в определенной степени более чем оригинальные для ОКВ: например, «Общие инструкции по введению в заблуждение противника относительно наших намерений, а также «график», датированный 20 февраля 1940 года, где, как и прежде, были перечислены решения, которые должен принять Гитлер в соответствии с теми планами и целями, которые уже им одобрены, с указанием самого крайнего срока, в зависимости от фактора времени, объекта и возможностей введения в заблуждение.

⁴³ Дневник Йодля, 21 октября 1939 г.

⁴⁴ Там же, 22 октября 1939 г.

⁴⁵ Предложения отдельных видов вооруженных сил, послужившие основой для директивы № 7, были изданы ОКВ 18 октября 1939 г. В них были заложены основные направления стратегии на начало нашего наступления или в случае нападения противника.

На долю ОКВ выпал также ряд ответственных заданий, главным образом организационных. Они состояли в основном из подключения всех людских и материальных ресурсов рейха с целью заткнуть многочисленные бреши в снабжении и собрать необходимые запасы для обеспечения фронта. Надо было также разработать вместе с компетентными органами рейха и систематизировать основные принципы управления на оккупированных территориях. Этим занимались в первую очередь две рабочие группы отдела «Л» (организационная и административная). Одновременно Йодль использовал два других отдела штаба для выполнения множества заданий, таких, как организация связи для верховной ставки и подготовка для ведения пропаганды в ходе наступления.

Кроме дел, непосредственно связанных с наступлением на западе, ОКВ занималось также подготовкой директив по ведению боевых действий против торговых судов противника на море; эти директивы основывались исключительно на планах и предложениях ОКМ и ОКЛ. Усилия ОКВ были направлены главным образом на то, чтобы обеспечить эффективное сосредоточение ограниченных средств обоих видов вооруженных сил для поражения самых важных целей; однако эти усилия, как правило, никогда не шли вразрез ни с одним особым требованием ВВС и их главнокомандующего Геринга.

В этот период развертывания ставки все силы штаба оперативного руководства уходили на придание формы и выразительности пожеланиям Гитлера по поводу предстоящего наступления на западе. В результате штаб не мог заглядывать в военно-политическое и стратегическое будущее или анализировать вероятное развитие военных действий в перспективе и, таким образом, выработать основу «военного плана» хотя бы на потом. Это подтверждается тем фактом, что мы почти полностью упустили из виду Средиземноморский театр военных действий, и, когда кампания на западе уже через шесть недель подошла к успешному завершению, у верховной ставки не было планов дальнейших операций, и никакая подготовительная работа к ним не велась. Видя, как развиваются военные действия, и имея соответствующее указание начальника штаба оперативного руководства, высший штаб вермахта получил бы великолепную возможность вернуться к тем задачам, для которых он был задуман. Это позволило бы ему чего-то добиться и, соответственно, упрочило бы его положение; с военной точки зрения это составило бы весьма желательный противовес длительному использованию штаба не по назначению, а в качестве канцелярии Верховного главнокомандующего и, возможно, даже позволило бы ему оказывать определенное влияние на спорные решения фюрера; укрепилось бы и положение штаба по отношению к главнокомандованию трех видов вооруженных сил. А в действительности вышло так, что в результате постоянного вмешательства Гитлера в военные приготовления, а позднее в проведение боевых действий он продолжал терять всякое уважение. Наконец, если бы штаб использовали именно таким образом, то генерал Йодль неизбежно оказался бы в тесном контакте с начальниками штабов трех видов вооруженных сил, что в ходе войны полностью игнорировалось или, во всяком случае, не стало принятой нормой.

У противной стороны были руководящие органы, которые полностью доказали свою состоятельность: Комитет начальников штабов в Англии, Объединенный штаб вооруженных сил в Соединенных Штатах и Объединенный комитет начальников штабов обоих этих государств. Начальники штабов в Англии и главнокомандующие отдельными видами вооруженных сил в США встречались почти ежедневно и намечали главные направления стратегии во всех ее аспектах. Черчилль был таким же Верховным главнокомандующим, как и Гитлер, тем не менее при расхождении взглядов оценки и решения начальников штабов, как правило, имели преимущественную силу. Фактически рекомендация британских начальников штабов и американского объединенного штаба являлась решающим фактором в стратегии союзников. В Германии на аналогичном уровне командования существовал губительный вакуум.

Когда вспоминаешь все это, такая недалковидность кажется просто непостижимой. При сложившихся обстоятельствах штаб оперативного руководства, конечно, оказался не в лучшем, чем прежде, положении, чтобы выполнять более важную работу, не имея на то согласия или приказа Гитлера. Во-первых, имевшиеся в распоряжении отдела «Л» людские и материальные ресурсы были до сих пор строго ограничены, и он мало что мог сделать, кроме как высказать свое мнение; во-вторых, при существовавшей антипатии к ОКВ добровольного сотрудничества со стороны штабов отдельных видов вооруженных сил ждать не приходилось. Фактически Гитлер ничего не сделал для того, чтобы начать планирование. Более того, ряд намеков с его стороны, которые могли послужить, по крайней мере, отправными точками, просто игнорировались и зачастую даже не доходили до ушей начальника отдела «Л» или его подчиненных. Примерами могут служить некоторые высказывания Гитлера в его памятной записке от 9 октября 1939 года; в ней он отмечает, что победа над Францией откроет для нас огромные пространства Атлантического побережья, в результате чего можно будет довести эту войну до конца путем «массированного использования люфтваффе против сердца британского сопротивления». Эта идея была конкретизирована в нескольких вышедших зимой 1939/40 года директивах ОКВ относительно подготовительных мер по «захвату Англии»; однако в них не было тщательно проанализировано, какова вероятность успеха этой стратегии, вопрос вполне уместный ввиду нашей полнейшей неопытности в «стратегической войне в воздухе» и нехватки субмарин.

К тому же в течение этих месяцев в верховной ставке не помышляли о возможности вторжения на Британские острова. Йодль не предпринимал на этот счет никаких действий, хотя записи в его дневнике свидетельствуют, что еще в ноябре 1939 года он, но не его штаб, знал, что штаб ВМС изучает этот вопрос, а в начале декабря – что тем же занимается Генеральный штаб армии. Даже в мае и затем в июне 1940 года (здесь мы ненадолго забегаем вперед), когда главнокомандующий ВМФ докладывал Гитлеру результаты исследований, проведенных его штабом, Йодль не делал ничего, видимо, потому, что Гитлер в то время не проявил никакого интереса. Нередко звучала критика, что старшие офицеры, включая и самого Гитлера, находились в плену своих воспоминаний о Первой мировой войне и поэтому не рассчитывали на такой потрясающий успех наступления на западе. Возможно, так и было осенью 1939 года, но этого явно не было в начале 1940-го.

Что касается Италии, то весной 1940-го Верховный главнокомандующий много размышлял над тем, как заставить своего союзника по хваленому «Стальному пакту» послать двадцать – тридцать дивизий, чтобы атаковать линию Мажино с германской территории в направлении плато Лангр. Эта идея была предметом детальных исследований Генерального штаба армии. С другой стороны, как уже говорилось, никакие более серьезные стратегические проблемы, вытекающие из этого союза, не рассматривались. Например, проблемы и перспективы войны на Средиземном море при ведении ее во взаимодействии с Италией или своими силами. Правда, какое-то время военные стратеги занимались разработкой превентивных мер против угрозы, которую французская армия Вейгана в Сирии явно замышляла создать в районе Салоник и румынских нефтяных промыслов. То, что в отношении Средиземноморского региона ничего больше не делалось, наверняка объясняется тем, что Гитлер уже решил полностью оставить его итальянцам; к тому же Муссолини был того же мнения, а Генеральный штаб в Риме даже еще больше настаивал на этом.

Последний, но не менее важный, Восточный фронт должен был стать темой стратегических исследований самое позднее к весне 1940 года. Во время беседы в рейхсканцелярии 27 марта 1940 года Гитлер упомянул, что он «держит ситуацию на востоке под самым пристальным наблюдением». При этом присутствовали и Йодль, и начальник Генерального штаба армии; то, что это не явилось для обоих предупреждением о грядущих стратегических проблемах, более простительно Гальдеру, чем Йодлю. Хотя там было много такого, что указывало на

возможные неприятности в будущем, например позиция России относительно демаркационной линии в Польше и нерешительность Гитлера относительно договора о военных поставках в Советскую Россию. Этого было вполне достаточно, чтобы побудить здравомыслящее военное командование, по крайней мере, начать исследования по данной проблеме, если не отправить войскам предупреждение в самой категорической форме.

В итоге следует признать, что штаб ОКВ очень плохо использовал время, имевшееся на создание высшей ставки (то есть до весны 1940 года), для того чтобы подготовить вермахт к возросшим требованиям, которые предъявляло к нему последующее ведение боевых действий. Это оказалось тем более серьезно, поскольку не было теперь фон Мольтке или фон Шлиффена, а следовательно, не велись и исследования, как в Генштабе мирного времени, просчитывавшие действия на шаг вперед непосредственной задачи обороны страны. Вместо этого штаб оперативного руководства ОКВ занимался в первую очередь «специальными операциями» Гитлера; у него появилась тенденция брать на себя ответственность Генерального штаба армии за подготовку и проведение операций или, как вскоре показал случай с Норвегией и Данией, даже совсем вытеснять армию и взваливать на себя ее работу. Это означало, что штаб отвлекли от его прямых обязанностей, и он оказался абсолютно не в состоянии шире изучать последствия происходящего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.